Editions russes «LES INDÉPENDANTS»
(91, rue Lecourbe, PARIS - XVe)

Д. Далин, Б. Двинов, С. Мельгунов,
В. Оболенский, И. Херасков и др.

РОССИЯ
и
ЭМИГРАЦИЯ

Цена 40 фр.

1947 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предлагаемый коллективный труд по независящим от на[с] обстоятельствам выходит с значительным запозданием. Материа[лы] этой брошюры набраны несколько месяцев тому назад.

Насущная задача эмиграции

Прошло два года с окончания войны. Но мира нет. Причины, порождающие современное состояние ни мира, ни войны, достаточно ясны.

Мир в буквальном смысле слова распался на два противоположных лагеря. Между лойяльными силами, ищущими здоровых национально-созидательных путей развития, и интернационально-заговорщическими силами, стремящимися в еще большей степени сеять повсюду развал и неустойчивость, нет и не может быть примирения. Стабилизации мира противостоит мировая революция.

Каждый акт советской политики приносит все новые свидетельства, что надетая на себя московской диктатурой маска демократизма и национализма была временной мерой, маневром, расчитанным на сохранение власти во время войны. Скрывающееся за этой маской подлинное лицо воинствующего большевизма снова выступает во всей своей неподдельной сущности.

Мнимая связь советской внешней политики с традиционной линией русской истории не может уже укрыть того основного факта, что эта политика координирована и полностью подчинена аггрессивным замыслам мирового коммунизма. На службе насильственного осуществления мировой революции — этой незыблемой цели советской власти, остается и внутренняя политика СССР. Советский полицейский режим террора, экономического бесправия, социаль-

ной несправедливости, духовного порабощения и физического и морального растления народов России продолжает свое пагубное триумфальное шествие.

Твердой политике и железной сплоченности сил, объединяемых красной Москвой и Кремлем, противостояла в другом лагере некоторое время политика неуверенности и растерянности. Но этому пришел конец. Естественным центром собрания и организации всех противосталинских сил становятся Вашингтон и Белый Дом.

Советская политическая инфильтрация повсеместно встречает отпор со стороны американской экономической инфильтрации. Советские ультиматумы вызывают американскую военно-финансовую помощь угрожаемым странам.

Все эти формы острых антагонизмов увенчиваются открытой борьбой между вчерашними « союзниками » за привлечение на свою сторону симпатий побежденных народов. На Дальнем Востоке Япония вступает на путь своего экономического и политического восстановления. На мирных конференциях главным предметом разногласий и споров является вопрос о том, чьим союзником в будущем быть Германии.

Ясно и непреложно одно : большевицкая деспотия снова отделяет стеной отчуждения и вражды народы России от всего остального мира.

Двух лет оказалось достаточно, чтобы совершился описанный процесс размежевания между враждебными лагерями. Срок казалось бы достаточный, чтобы и мы, русские эмигранты, могли, наконец, самоопределиться и занять перед лицом настоящего и решающих событий грядущего ясную и определенную позицию.

Тысячи и тысячи новых беженцев из советской России поведали всему миру и старой русской эмиграции о прогресирующем ухудшении условий жизни и труда рабочих в СССР, о колхозно-крепостнических порядках чудовищной эксплоатации советского крестьянства, о неслыханном идеологическом порабощении интеллигенции, о систематическом подавлении и искоренении всех форм национальной культуры русского народа и других народов России.

Они поведали, далее, что народные массы России ни одной минуты не переставали оказывать самое активное сопротивление антинародной политике большевиков, и что нередко дело доходило до открытых кровополитных вооруженных восстаний.

Они поведали, наконец, миру и эмиграции, что вследствие непримиримого и все более обостряющегося отчуждения между народом и правительством СССР, безлюдные пространства Севера, Сибири, Дальнего Востока, Казакстана и т. д. покрылись нескончаемой сетью концентрационных лагерей, в которых массами гибнут от адских условий принудительного каторжного труда, от голода и холода, от цынги и грязи лучшие люди всех народов России. Советский Левиафан стал уже бросать в объятия смерти целые народы.

Люди разума, совести и воли не являются равнодушными свидетелями той неописуемой трагедии, которая продолжает оставаться уделом их отчизны и родных народов. Они продолжают быть и теперь, как и раньше, непримиримыми врагами большевицкого порабощения России.

Но достаточно ли этой одной непримиримости и может ли русская эмиграция выполнить свою миссию, оставаясь в своей борьбе против большевизма раздробленной и без общего политического знамени?

Разделение и противопоставление друг другу отдельных идейно-политических течений и национально-религиозных группиро-

вок внутри русской эмиграции только на руку большевикам. Поэтому последние так старательно используют всякую брешь в рядах эмиграции, чтобы вбить в нее свой клин и еще больше распылить силу сопротивления эмиграции.

Провокационной политике советской власти все идейные противники большевизма, независимо от их партийной, национальной и религиозной принадлежности, должны противопоставить объединение живых сил эмиграции.

Объединенная эмиграция могла бы занять достойное место в интернациональном фронте борьбы против мирового коммунизма. Это особенно важно теперь, когда большевизм из потенциальной превратился в реальную мировую опасность.

Только голос объединенной русской эмиграции может послужить важному делу развенчания и искоренения получившего широкое распространение ложного и вредного отождествления большевиков с русскими и антинародной советской власти с национальной властью России и населяющих ее народов. А это тем более важно, что развертывающаяся мировая борьба против разрушительного коммунизма неизбежно перерастет в столкновение прогрессивного человечества с главным носителем зла — большевицкой тоталитарной деспотией.

В этот последний решающий час исторической задачей явится то, чтобы лишить московскую диктатуру возможности надеть на себя новую маску спасительницы отечества. Только активное сотрудничество с прогрессивными силами мира позволит объединенной русской эмиграции сочетать свою борьбу против коммунизма с интересами национального освобождения народов России.

Широко распространенное мнение, что невозможна организация политической борьбы эмиграции против беззаконной власти при существующей обстановке, когда эту организацию могут объявить фашистской и запретить, не обоснована. Русская эмиграция сохраняет в своих рядах не мало видных борцов против большевизма, которым никто не может бросить упрека, что они будто были коллабористами фашизма во время войны.

Что же мешает им взять на себя инициативу по выработке общего знамени борьбы за освобождение народов России от ига большевизма и организовать соответственный объединенный политический центр русской эмиграции?

Разве при всем разнообразии политических воззрений, которые отделяют друг от друга отдельные группы эмиграции, нельзя найти тех бесспорных и важных общих политических принципов, которые могли бы лечь в основу платформы объединенной эмиграции? Разве после свержения общего врага — сталинской диктатуры, можно было бы при построении новой России обойтись без применения принципа народного волеизъявления по таким основным вопросам, как государственное устройство России, форма ее будущего правления и т. д.?

Разве после свержения большевицкой диктатуры возникли бы уж столь непреодолимые споры по таким кардинальным вопросам, как выработка основных принципов устройства экономической жизни России? Где тот человек, который указал бы иной способ решения вопроса о построенных трудом и потом народов России новых заводах и фабриках, как сохранение их в руках будущего государства России? С другой стороны, кто смог бы поднять голос против неизбежного роспуска опостылевших крестьянству колхозов?

Иначе говоря, при желании договориться, антибольшевистские группировки русской эмиграции могут выработать общую политиче-

скую платформу по основным вопросам устройства будущей государственной, национальной и хозяйственной жизни народов России. На пути стоят, быть может, еще лишь взаимная неприязнь и упреки отдельных деятелей правого и левого крыла эмиграции. Но, ведь, можно же в конце концов понять, что все мы одинаково повинны в том, что не сумели в свое время предупредить появление на свет большевицкого урода. Этот сомнительный наш грех история снимет с нас, если мы объединим все наши усилия к тому, чтобы помочь родным народам сбросить с себя ярмо большевистского порабощения.

Новые эмигранты верят, что бывшие избранники и выразители воли народа России пожмут друг другу руки во имя высших интересов родины и начнут объединять нашу работу, согласно народной поговорке: « Кто старое помянет, тому глаз вон. » Отдадим все внимание максимально полному и быстрому разрешению этой насущной задачи.

Профессор (нов. эм.).

P. S. Вот примерный список живущих в свободных странах старых русских эмигрантов, которые известны, как непримиримые противники большевизма, и которые могли бы, по моему мнению, взять на себя инициативу: Керенский, Церетелли, Чернов, Карташев, Коновалов. — Абрамович, Далин, Николаевский. — Зензинов, Вишняк, Федотов. — Мельгунов, Херасков. — Оболенский В., Зеелер, Рысс, Челищев. — Проф. И. Ильин, кн. Белосельский, кн. С. Трубецкой. — Гр. Панина, гр. Толстая, проф. Карпович. — Саблин, Байкалов. — Алданов, Зайцев, Гуль. — ген. Архангельский.

Надо ли оговариваться, что предложения мои носят абстрактный характер, и я с упомянутыми лицами предварительно не сносился. Намеченный список лиц, так или иначе выступающих на поприще эмигрантской общественности, включает более или менее все основные оттенки политической мысли. **Автор.**

Наши редакционные оговорки см. ниже в «Откликах». Естественно, что такой комитет, если бы он образовался, должен быть прежде всего пополнен именами представителей новой эмиграции. Эти имена скоро уже будет нетрудно назвать, так как советские «невозвращенцы» постепенно начинают открыто себя выявлять — и не только в Соед. Штатах, где создано «Общество новых эмигрантов» и где, подчас так ярко, под своими уже фамилиями, выступают Кравченко, Коряков, Алексеев. **Ред.**

Кончина А. И. Деникина

В силу указанных выше условий мы не можем в своем очередном издании откликнуться должным образом на горестное известие о кончине Антона Ивановича Деникина, с именем которого неразрывно связана героическая страница борьбы верных сынов России с большевизмом. Исключительная личная честность и гражданская доблесть вождя «белого движения» служили как бы реальным символом тех благородных и высоких задач, которые ставили себе при всех своих возможных ошибках политическая эмиграция в бескорыстном служении Родине. Неожиданная смерть ген. Деникина в ответственный и, быть может, решающий момент нашей истории — жестокий удар, нанесенный судьбою. С его ухо-

дом из жизни военная среда лишается общепризнанного морального авторитета, столь необходимого для сплочения в наше время разнородных групп русского зарубежного рассеяния. Было естественно, что список лиц инициативного Комитета, предлагаемый бывшим советским профессором, открывался именем Деникина. Но его уже нет...

Пути освобождения России

Гитлер — истерик и кликуша — пророчествовал, что царствие его продлится 1000 лет. История внесла свою поправку, сократив этот срок до 12-ти. Сталин — человек без всякой истерики и с « марксистской » выучкой — предпочитает о сроках не высказываться. Оно и верней. Сообразно великим просторам России сталинский « комфашизм » и длится более гитлеровского нацизма. Однако, по эту сторону « железного занавеса » и в Старом, и в Новом мире ни для одного политически мыслящего человека нет сомнения, что и его царствие не тысячелетнее. И даже те, у кого кулак « тоталитарной полиции » заслоняет почти весь политический горизонт, в конце своего глубокомыслия прибавляют, что, конечно, вечно это продолжаться не может.

Происходящие же на наших глазах сейчас события могут конец этой « вечности » весьма приблизить. Ибо если верно, что внешняя политика является продолжением внутренней, то и наоборот : внешняя политика не может остаться без сильнейшего влияния на ход внутреннего развития страны. Тот же внешне-политический кризис, который переживает сейчас мир, не может остаться без влияния на внутренне политическое развитие всей Европы (а может быть, и Америки) и прежде всего России. Обострение внешне-политического кризиса неизбежно вызовет в стране диктатуры и дальнейшее обострение внутреннего кризиса, все настойчивее ставя в порядок дня вопрос о путях освобождения России.

Говоря отвлеченно, этих путей несколько, и рассматривать их следует без привлечения элементов личных желаний или антипатий, а объективно в свете исторических возможностей и только.

Самый приятный путь это — самоликвидация диктатуры, добровольная эволюция власти от диктатуры к демократии путем так называемого « спуска на тормозах ». Об этом спуске многие мечтали в течение десятилетий. В особенности социалисты. Казалось, что раз большевики убедятся в полной безнадежности утопических идей « Октября », то они должны будут — во имя блага России, трудящихся, социализма — отказаться от своей диктатуры. То была наивная вера в большевистскую идейность, в их политическую честность и просто в личную их добропорядочность. Всего этого не оказалось. Вкусив яд от древа диктатуры, большевики вместе с перерождением утопии режима коммунистического равенства в « комфашизм » величайшего социального неравенства, полностью переродились и сами. Власть оказалась идейно выпотрошенной, пустой, и сохранение своей диктатуры стало для нее самоцелью. Поэтому вместо « спуска на тормозах » развитие пошло в направлении прямо противоположном к завинчиванию винта диктатуры. Позорный союз Сталина с Гитлером от 23 Августа 1939 г., развязавший мировую войну, был логическим завершением этого процесса внутреннего перерождения диктатуры. Этот акт убил последнюю веру у сторонников эволюции.

Но вот «друг» Гитлер напал на Россию, и Сталин поневоле попал в союзники мировой демократии. И тогда вновь — и довольно широко — воскресли былые утопические мечты о демократизации власти. Визит в Парижское посольство представителей старой демократической эмиграции во главе с Маклаковым явился кульминационным пунктом выражения этой утопической мечты. Ныне прошли все сроки, и подведены итоги: «освободитель народов» народ русский вернулся в первобытное довоенное рабство. «Железный занавес» еще плотнее опустился над Россией, отрезав последние побеги мечты о «спуске на тормозах». Этот путь освобождения оказался историей заказан. Власть добровольно не уступит. Ее придется снять силой. Путь жестокий и кровавый, но другого нет. Увы, до сих пор именно к этому пути прибегало человечество в течение всей своей истории, чтобы освободиться от тирании.

Но путь силы не однозначен. Насильственное устранение диктатуры может притти извне и извнутри. Извне — это значит освобождение России чужими руками, войной. Тот, кто следит сейчас за мировыми событиями, не может не признать, что мы живем на вулкане, что своей авантюрной политикой Сталин гонит Россию и мир к войне. Не приходится говорить о том, что это была бы худшая из катастроф для несчастной нашей Родины. Всякий, кто вспомнит разрушения прошлой войны, и кто имеет хоть малейшее представление о вновь изобретенных орудиях истребления, содрогнется при мысли о возможности этого нового испытания. Увы, не от нас оно зависит!..

Но и здесь надо различить две возможности, два варианта : германский и итальянский. В Германии народ остался верен Гитлеру до конца. Результат известен : немцам потребуется целый век труда и лишений, чтобы восстановить свое государство и свое национальное хозяйство. Италия освободилась от своего диктатора — Муссолини заблаговременно, собственными силами. Ее судьба совсем иная. Невозможно, однако, ждать для России точного повторения итальянского опыта, ибо отсутствуют в ней необходимые для этого элементы. Италия продолжала оставаться традиционной монархией, и это ее именем был снят с власти Муссолини, без нарушения государственного строя страны. Это на авторитет монарха и на его поддержку опирался взбунтовавшийся против Муссолини Великий Фашистский Совет. Но на кого, на чей авторитет смог бы опереться взбунтовавшийся против Сталина Верховный Совет СССР? На какие силы? Совершенно очевидно — только на авторитет и силы самого народа и его армии. Но для этого народа Верховный Совет, как и все прочие советы, только синоним сталинской тирании. Не приходится ожидать поэтому, что, когда народ и армия обретут, наконец, свою силу и возможность ликвидировать сталинскую диктатуру, то они сделают это во славу «власти советов», хотя бы и преобразованных.

Мы видим, таким образом, что и при варианте войны все будет зависеть от самого народа и его реакции. И на самом деле только он сам своими руками и может достойно себя освободить, как он освободил страну в дни Февраля 1917 года тоже в ходе войны и войны проигранной. Мы приходим т. о. к выводу, что если война станет реальностью, то задачей народов России будет скорее собственными силами освободиться от диктатуры и тем самым и от войны.

Но пути освобождения России не обязательно связаны с войной. Как ни малы шансы ликвидации диктатуры внутренними силами и без войны — никто не может и не вправе заранее отказаться от них. Мы не в силах предупредить войну, и мы ее не готовим — ни

политически, ни идеологически. А освобождение России от диктатуры на путях внутреннего развития мы готовить обязаны по мере наших сил.

Какие же это пути? Их два : путь дворцового переворота и путь народного восстания.

Покойный вождь французских социалистов Жорес когда-то сказал, что « революция это — варварская форма прогресса ». Разумеется, революция это — катастрофа. Она и наступает только в результате катастрофических событий. Нам — современникам и свидетелям нескольких революций — этого объяснять не приходится. На основании этого многие и заявляют о «нежелательности» революции и о предпочтительности дворцового переворота.

Здесь надо прежде всего напомнить уже сказанное раньше : не нашими личными симпатиями и антипатиями руководствуется история. Дело обстоит не так, что нам дано выбирать путь освобождения по нашему вкусу. Поэтому эта новая утопия требует внимательного рассмотрения.

И путь освобождения дворцовым переворотом можно себе представить в виде двух разных вариантов. Первый : яко тать в нощи. Группа при - кремлевских героев - маршалов, командиров МВД или других, видя несомненно грозящую России и им самим в результате политики Сталина гибель, составит заговор, удачно его проведет и в одно утро возвестит изумленному и счастливому народу, что диктатура ликвидирована, и он свободен. Второй вариант сложней. В результате тех же грозных перспектив и при страшном заострении национального, социального и политического кризиса в стране, в аппарате диктатуры произойдет трещина. Она будет все более расширяться, пока не поглотит диктатуру, если последняя не успеет во время уступить. Страна будет спасена фактически путем переворота, но не узенького круга заговорщиков, а « аппаратом ».

Таковы схемы. Имеется ли, однако, хоть капля вероятности в обоих этих утешительных вариянтах? По нашему мнению, ни капли.

Начать с того, что « гениальность » режима « тоталитарной полиции » заключается в том, что создана система взаимного недоверия и взаимного шпионажа: « человек человеку — предатель есть! » Естественно, что чем выше человек на пирамиде власти — тем больше за ним слежки. Как же в этих условиях можно себе представить заговор и его проведение под покровом ночи? Даже заговоры против Гитлера не удавались, а куда же было тому до Сталина?

Далее, представим себе, что какой либо группе « маршалов » все же удастся такой переворот произвести. Во имя чего они его произведут? Во имя народа, России? Они, эти вышедшие из ничто и именно Сталиным поднятые на головокружительную высоту? Они, являющиеся опорой « трона » в деле подавления народа? Каким образом можно на них ставить ставку? Но, помилуйте — возразят нам—ведь они за свою же жизнь дрожат. Разве они не помнят судьбы Тухачевского, Егорова, Блюхера и других? Какая у них гарантия, что в один день эти новые «генералы от самописки » в лице Маленковых, Ждановых, Берия и их не отправят в подвал чеки? Гарантий, разумеется, никаких. Но если дворцовый переворот будет ими совершен во имя самосохранения, то это только значит, что на место одной клики сядет другая, что изменится « гарнитура » диктаторов и только. Задача освобождения России этим разрешена не будет. Так это обычно и было при всяких дворцовых переворотах.

Обратимся теперь к варианту «трещины в аппарате». Можно-ли

себе представить более широкую трещину в аппарате власти, нежели та, которая имела место в 1936-37 гг.? Ведь тогда в оппозиции к Сталину были: весь « Олимп » из ЦК ВКП, Президиум ЦИК, верхушка армии, весь дипломатический корпус и т. д. до главы ГПУ включительно. Куда же еще? Чем же, однако, все это кончилось? Их кровавой ликвидацией и заменой всех какими-то неизвестными субъектами, подстриженными под одну гребенку, умеющими только при всех случаях кричать «ура» и похожими друг на друга, как стертые пятаки. От них, от этих Молчалиных, ждать восстания? Каким образом? Воистину, это тот случай, о котором американцы говорят: « желание — отец мысли »...

И, наконец, представим себе, что свершится невозможное: узкая ли группа заговорщиков или широкая трещина в аппарате власти или ниспосланные небом мор и глад, но так или сяк, в один день народы России окажутся чьей то чудесной силой освобождены от оков диктатуры. Если предположить, что силы народные настолько иссякли, что этот освобожденный народ будет только кланяться в пояс и благодарить спасителей, то это значит, что народ наш еще не дорос до свободы и что дело его освобождения сейчас безнадежно. Но мы так не думаем. Мы не думаем, что реакция народа ограничится молебнами и крестным ходом. Мы уверены, что народ заговорит, выпрямит свою спину и пожелает взять свою судьбу в свои собственные руки, и даже предъявит кой кому счет за прошлое. То есть мы думаем, что все эти варианты и пути могут быть только вступительным актом к драме. Сама же драма разыграется, когда на арену выступит сам суверенный народ и разыграется она непременно.

И здесь мы приходим к последнему пути освобождения, когда народ и его армия (против армии в наш век никакое освобождение невозможно), не ожидая военной катастрофы и не полагаясь на сомнительных освободителей из кремлевского окружения и на щели в аппарате власти, доведенный этой властью до точки кипения, сам восстанет и освободит страну от тирании диктатуры. Глубокомысленные скептики, отрицающие начисто эту возможность — « тоталитарная полиция » — и вместе с тем полагающие, что « вечно это продолжаться не может » должны, в сущности, ориентироваться только на войну. Но, как мы это выше указали, даже и в случае войны мы должны ориентироваться на внутренние силы России. В России происходит — и никогда не прекращалась — гигантская борьба народа с властью. Формы этой борьбы самые разнообразные. Миллионы в концлагерях — выражение этой борьбы. Мы не знаем точно, что происходит теперь за « железным занавесом », но мы достаточно осведомлены о страшном разорении страны, о голоде населения, о звериной ненависти его к власти и о непрерывном наростании кризиса — во вне и внутри.

При таких условиях этот кризис может разразиться самым неожиданным образом. « В Феврале (1917 г.) вопрос об определении срока родов почти не стоял вообще », писал Троцкий в своей « Истории Русской Революции », и в том же Феврале роды и произошли. Никому не дано знать сроков, ибо никакому точному учету человеческая стихия не поддается.

Суммируя изложенное, мы можем лишь сказать, что: **либо революция предупредит войну, либо война развяжет революцию.** Но при всех условиях для нас должно быть ясно, что **дело освобождения России должно быть делом самой России.** Ибо задача заключается не только в том, чтобы ликвидировать диктатуру Сталина и Политбюро, а в том, чтобы власть этих узурпаторов и тиранов заменить законной властью, народом признанной и для него су-

ществующей. Такою властью может быть в России наших дней только «власть из народа, через народ и для народа» (Линкольн). Это должно быть **Народовластие,** подлинная народная Демократия. Она может быть реализована только самим народом, который призван и обязан эту великую задачу осуществить и возможно скорее!..

Неутомимо и постоянно разъяснять это, нести эти идеи в народ, подготовлять его к этой великой исторической миссии есть наша задача. Осуществить ее — величайшая цель!..

Б. Двинов.

Как это произошло во Франции

Праздник Верховного Существа пришелся на католический Троицын День — 8 июня 1794 года...

На церемонии сожжения Атеизма Робеспьер восседал один на специально для него поставленном председательском кресле. В процессии — на Марсово Поле и обратно в Тюильери — приняли участие Национальный Конвент в полном составе, неся букеты цветов, все парижские секции в алфавитном порядке со снопами сжатого хлеба, сотни барабанщиков, три оркестра духовой музыки, везомая волами колесница Свободы... Хор и артисты парижской Оперы исполняли специально сочиненный для случая гимн. Оглушительные залпы артиллерии потрясали воздух... Робеспьер, в парадном голубом фраке, шествовал один, на двадцать шагов впереди Конвента...

Апофеоз Верховного Существа завершился апофеозом Первосвященника. Каждый день приносил ему выражения любви и восторга : Восхитительный — Робеспьер, Неподкупный гений, Опора патриотов, Краеугольный Камень Республики, столп, светоч, хранитель правды, всевидящий и все предвидящий монтаньяр... « Хочу насытить сердце созерцанием твоих черт »... « Ты наш ангел хранитель »... Прославленный автор конституции III года, Буасси д'Англя сравнивал Робеспьера с « Орфеем, обучающим человечество новым принципам цивилизации и морали»... Умилялись заведомые атеисты. Умилялись уцелевшие от гонений католики : « Хороший урожай этого года — дар Провидения за возвращенного Робеспьером Республике Бога». Даже заграницей начали говорить : — « Республика Робеспьера », « Армия Робеспьера », « Флот Робеспьера ».

* * *

Казалось бы, « Хозяин Революции» мог спокойно насладиться зрелищем добродетельной, на принципах «Общественного Договора » возведенной Республики.

Но вот 22 прэриаля, через два дня всего после апофеоза, соратник Робеспьера, Кутон прочел Конвенту проект небывалых еще террористических мер : «Промедление в революционном правосудии — преступление против Республики. Донос на заговорщиков — долг каждого гражданина. Все оговоренные будут судимы. Все осужденные подвергнутся смертной казни. Формальности излишни — ни выслушивать свидетелей (разве для раскрытия новых преступников), ни защитников» (им бы только клеветать на Республику!)... Конвент с ужасом слушал Кутона. Но под холодным взором Робеспьера законопроект был принят единогласно. Открылась эпоха « великого террора ». Публичный обвинитель Фукье Танвиль и его подручные работали теперь, буквально не покладая рук. И

нельзя было не торопиться. Сотни ежедневно казнимых не освобождали в тюрьмах достаточно мест для вновь доставленных.

Современник и очевидец рассказывает об этих днях: «В страх и траур оделась Франция. Весь жизненный тон самой любезной в Европе страны изменился. Люди боялись друг друга даже в семье. Супруги только ночью, в постели, на ухо, делились друг с другом сокровенными мыслями. Любовь к жизни, чувство, присущее каждой твари, и она угасла в сердцах. Люди шли на казнь с каким-то равнодушием, удовлетворением даже — на отдых. Бывали случаи намеренного провоцировния собственного ареста »... («Адвокатские битвы» 1815).

Тот же страх царил и в Конвенте. Были депутаты, не желавшие показаться туда, чтобы не напоминать о себе Робеспьеру: еще в чем-нибудь заподозрит. Особенно трепетали отозванные из департаментов комиссары. Они-то знали, на какую « кучку человеческих выродков, обагривших руки кровью невинных и наполнивших карманы народным добром » намекал публично Кутон, и о каких « мошенниках », опозоривших террор в глазах народа » говорил Робеспьер.

Но ни отдельные депутаты, ни весь Конвент в целом, не были страшны диктатору. После ряда кровавых чисток (жирондисты, эбертисты, дантонисты) Конвент стал ручным. Самые важные для жизни Республики законопроекты принимались им без прений, единогласно.

Опорой своей Робеспьер продолжал считать парижский народ (коммуну) и партию (Якобинский Клуб). Подлинная жизнь замирала однако и там. Ораторами в клубе выступали теперь исключительно почти казенные люди — члены правительственных комитетов и другие высокопоставленные чиновники, а в « обновленной » Робеспьером Коммуне сидели свои, надежные, люди, вроде нового мэра, недалекого Флорио и горе-командира парижского гарнизона генерала Анрио.

Общественная жизнь в стране («народные общества», «секции» пресса, театр) вообще замерли. Народ безмолвствовал...

Но, ослепленный лестью и властью, диктатор напрасно толковал это безмолвие в свою пользу.

Народ прежде всего смертельно устал от террора. Прошли те дни, когда « весь Париж » стремился на место казни, как на театральное зрелище. Теперь, при первом стуке роковых колесниц, жители прятались по домам, торговцы бросались закрывать свои лавки. Самое место казни пришлось переменить — из центра города, « Площади Революции » (ныне «Конкорд») перевезти гильотину на отдаленную окраину — « Площадь Трона », (ныне « Насьон »). Редкая семья в Париже (да и во всей стране) не оплакивала теперь когонибудь из своих, унесенного гильотиной. На 12 тысяч казненных в Париже за период «великого террора», социальное положение которых можно было установить, около 8 тысяч приходилось на долю земледельцев, сельских рабочих, городских ремесленников и мелких торговцев. Пока « санкюлотская » власть конфисковала имущество эмигрантов, реквизировала склады хлеба, таксировала съестные припасы, душила налогами богачей, молчание народа имело благожелательный для нее смысл. Но когда реквизировать принялись рабочую силу (печатников, каретников, булочников), под максимум подводить трудовые заработки (в конце 93 года максимум заработной платы был установлен в **половинном** против 90-го года размере), когда под «богачами» стали разуметь людей с годовым доходом в тысячу франков и меньше, — молчание народа приобретало

другой характер. Высокой честью было считаться « единым вождем ». Честь эта обертывалась теперь для Робеспьера великим риском: не « благодеяния » уже революции, а все принесенные ею невзгоды и беды покрывались теперь для народа именем — Робеспьер.

Более опасными для него, чем это ему казалось, становились в этой обстановке и личные враги его, « мошенники » Конвента — лионские « герои », Фуше и Коло д'Эрбуа, « запрудившие Рону головами казненных и трупами изрубленных кавалерией » (Годар), « герой » Бордо, легкомысленный и жадный Тальен, « герой » Нанта, полусумасшедший садист Карьэ, « герои » других городов — Баррас, Било-Варен, Барэр. После неудачных попыток смягчить пресмыкательством гнев Робеспьера, им осталось « поставить ва банк », ухватиться за последний шанс спасения, — перейти самим в наступление. Душою заговора, прячась пока за спины других, стал самый « способный » из « мошенников», будущий министр полиции и «герцог Ортрантский» Наполеона, дипломат Людовика XVIII и верноподданный австрийского императора, пройдоха Фуше; главными организаторами — Коло и Тальен. Снаружи ничто пока не изменилось. Робеспьер, позволявший себе роскошь дуться неделями на Конвент и на Комитеты, как раз в эти дни удалился в «затвор » готовить новую громовую речь против «врагов добродетели». « Если бы кто заикнулся в этот момент о близком конце тирана, его сочли бы безумцем » (Бирэ «Дневник парижанина в эпоху террора »).

Утром 8-го термидора (28 июля) Робесьпер вернулся в Конвент. Все шло вначале по-прежнему. Двухчасовая речь диктатора была выслушена в молчании. После речи раздались апплодисменты. Поступило и было принято обычное предложение отпечатать речь (Барэр горячо ратовал за это предложение). Кутон предложил разослать речь по департаментам; и это предложение приняли.

Но содержание речи было таково, что готовый погаснуть огонь оппозиции вдруг вспыхнул неожиданно ярко. Республика приглашалась пожертвовать новой « кучкой мерзавцев »... « Назвать имена », послышались крики. Робеспьер не назвал. Оказаться в «кучке мерзавцев » мог теперь каждый... Животный страх, сковавший волю Конвента, прорвался жестом отчаяния : « Пусть труп мой послужит троном для честолюбца, но быть сообщником его преступлений я не желаю », крикнул Било-Варен. Я никому не льстил, никого не оклеветал, и никого не боюсь », отвечал Робеспьер...

Ветер в Конвенте явно переменился. Только что принятое постановление о рассылке речи по департаментам было вновь проголосовано и **отвергнуто** : это было первое политическое поражение Робеспьера.

В мрачном настроении явился он вечером к якобинцам, чтобы там повторить свою речь. Но в клубе его ждал триумф. Здесь речь была выслушана с « восторгом ». Показавшиеся было на собрании Било и Коло были приняты с негодующим криком : « Заговорщики! На гильотину ». Поступило предложение призвать народ к вооруженному восстанию против Конвента.

От восстания Робеспьер отказался : Зачем? Завтра он снова пойдет в Конвент. Завтра он еще им покажет...

* * *

Но завтра пришло не то, какого ждал Робеспьер. За ночь (Конвент заседал всю ночь) настроение Конвента окрепло. К утру все было готово...

Перым занял трибуну друг Робеспьера, Сэн-Жюст. Едва произнес он первую фразу, как был оборван звонком председателя и криками с мест : « Да здравствует Конвент! Да здравствуетКомитет

Спасения ». К крикам с мест присоединились вскоре крики с трибун, из публики. Тальен вскочил, потрясая кинжалом : » Я пришел пронзить грудь тирана, если Конвент не посмеет его осудить! ».

Робеспьер несколько раз пытался занять трибуну. Громкие « долой тирана! » каждый раз заставляли его возвращаться на место. Напрасно обращал он взоры к вчерашним друзьям - монтаньярам : «Гора» хранила молчание. Напрасно взывал к покорному доселе « Болоту » : « К вам, честные люди! К вам, убежище добродетели!»... Убежище добродетели не откликалось на зов... «Председатель убийц, давай же мне слово! » Председатель убийц только сильнее затряс колокольчиком. Наконец кто-то крикнул : « арестовать его! » Секунда молчания и... буря аплодисментов...

Брат Робеспьера и верные единомышленники — Кутон, Сэн-Жюст и Леба — объявили себя солидарными с арестованным. Жандармы увели из зала всех пятерых.

* * *

Этим борьба не кончилась. Для Робеспьера она скорей начиналась : слово теперь за народом — за якобинским клубом, за Парижской Коммуной. И началось как будто неплохо. Тюрьмы отказались (не посмели) принять столь высоко поставленных арестованных : все пятеро остались на свободе. Мэр, как только узнал о событиях, приказал бить в набат и запереть городские ворота. Экстренное собрание Коммуны объявило мобилизацию секций и призвало парижский народ к восстанию. Народная гвардия (секции) и парижская артиллерия собрались на плащади Ратуши.

Но не дремал и Конвент : там понимали, чем кончилась бы для них победа «тирана». Мятежники Коммуны и незаконно освобожденные были объявлены « вне закона » — подлежащими смерти без судебных формальностей. Баррас (бывший офицер королевской армии) — назначен командующим вооруженными силами. Отдельные члены Конвента, со свитой, в форме (шляпы с перьями, трехцветные ленты), с факелами в руках (была уже ночь) пустились по городу читать на перекрестках декреты Конвента и призывать граждан к повиновению. Эмиссаров всюду встречали спокойно — если не с прямым сочувствием, то с доброжелательным любопытством. (Бирэ).

У мятежников обстояло хуже... Генерал Анрио оказался пьян. Вскочив на коня, он один помчался к Конвенту, где был арестован жандармами. Правда, явившиеся на помощь солдаты освободили его, но, вместо того, чтобы идти с ними на безоружный пока Конвент, он бесцельно вернулся к Ратуше, а когда несколько часов спустя, снова предстал с солдатами перед Конвентом, он встретил Барраса с указом об аресте в руках, и солдаты при первом угрожающем окрике бросились бежать врассыпную, увлекая за собой и своего « генерала ». Секции собрались между тем на ярко освещенной из окон Ратуши площади...

Робеспьер не сразу согласился возглавить восстание, соблазненный, может быть, перспективой быть вынесенным, по примеру Марата, из революционного трибунала на руках восторжествовавшего над « изменниками » народа. Объявление вне закона положило конец колебаниям : Пятеро собрались в одном из салонов Ратуши, объявив себя « Исполнительным Комтетом » восстания, и принялись рассылать по секциям зажигательные призывы. Но время было упущено. Движения не было. Секции, после нескольких часов бесплодного ожидания, начали понемногу, сперва тайком, а потом почти открыто расходиться. Хлынувший около полуночи ливень разогнал последних колеблющихся.

Когда, около двух часов утра, отряды Барраса приблизились к Ратуше, площадь была пуста, и солдаты почти без сопротивления проникли в салон, где заседал Исполнительный Комитет. Сэн-Жюст без сопротивления отдался жандармам, остальные пытались покончить с собой. Удалось одному Леба. Параличный Кутон беспомощно скатился с лестницы. Робеспьер младший выпрыгнул из окна и сломал себе ногу. Сам Робеспьер неудачным выстрелом из пистолета раздробил себе челюсть.

К 3-м часам утра раненых доставили в Тюильери. Робеспьера на носилках внесли в « Комитет Спасения », откуда несколько часов тому назад он властно командовал Францией. Остаток ночи следующий день смертники (всего, вместе с арестованными членами Коммуны, их было 22) провели в Консьержери. Робеспьера поместили в камеру соседнюю с той, где помещалась перед смертью Мария Антуанетта.

* * *

Как отнесся к совершившемуся народ? «Никогда еще со времени праздника Федерации (первая годовщина взятия Бастилии), пишет историк (Гаксотт), Париж не ликовал, как в этот знаменательный день, вся народная радость бурно разливалась по улицам взрывами смеха, громкими песнями и остротами». А вот как рассказывает об этом современник и очевидец (Лякретель) : « Люди, вчера еще незнакомые друг с другом, вчера еще друг друга с опасением обходившие, бросались друг к другу, как старые знакомые и друзья. Показывалась на улице робкая и печальная фигура якобинца, — его не обходили, как сделали бы вчера, а весело справлялись у него о здоровье любезного Робеспьера, не отпускали, не измучив в конец выражениями всеобщей радости ». Около тюрем люди взбирались на деревья и крыши, чтобы криками и сигналами известить заключенных о близком освобождении... Теми же знаками радости (не обошлось, конечно, в толпе и без диких выходок) встречал народ и двинувшиеся к вечеру по улицам телеги со смертниками. Хлопоты по установке гильотины на площади революции, куда она вновь, для большей торжественности казни, перевезена была с площади Трона, заняли добрую половину дня, и лишь около 8 часов вечера телеги прибыли к месту казни. Все окна, крыши, а, где можно было ухватиться, и стены домов по пути были усеяны зрителями : — кричали, аплодировали, махали платками. Стотысячная толпа заполнила площадь Согласия и все прилегающее пространство — набережную Сены, террасы Тюльери, ближайшую часть Елисейских Полей. Это была уже не горсть зевак, любителей острых зрелищ. Это был **народ,** обретший себя, вернувшийся к жизни... Завтра радостная весть пронесется по Франции : Умер Робеспьер! Умер великий Террор!... (Бирэ).

* * *

А официальные герои дня — « термидорианцы »? После увоза Робеспьера в Консьержери Конвент не сразу очнулся от террористического угара. Утром 10-го термидора Барэр, от имени Комитетов, еще требовал террора... Победа таких людей, как он, как Фуше, Коло и Тальен, ничего доброго Франции не сулила бы, если бы Робеспьера победили только они, но победили не только они, **вернее — совсем не они.** Они были лишь той «копеечной свечкой», от какой сгорела будто бы когда-то Москва. В этом они убедились сами, как только, после ночного заседания, переступили порог Конвента. Народ приветствовал их на улице, как героев-разрушителей террора. О старой политике не приходилось больше и думать : так решили за них **« все »** — решение стихийное, анонимное и бесповоротное ! Вчерашним якобинцам и монтаньярам приходилось

всерьез разыгрывать неожиданно свалившуюся на их голову роль, что они, к великой для себя пользе, и сделали.

* * *

Освобожденную 9-го термидора Францию ждали не только розы: предстояли новые трудности, падения, испытания. Но народ **сам** уже пролагал себе через них исторический путь, **сам** уже ковал себе свое счастье.

Ив. Херасков.

Конец легенды

(По поводу книги В. А. Кравченко).

... И смехом преследуя гада,
По нем улюлюкает русский народ ».
А. Толстой « Змей Тугарин ».

Книга Кравченко произвела ошеломляющее впечатление на иностранцев и прославилась во всем мире. Поэтому она не нуждается ни в общих оценках, ни в запоздалых рекомендациях. Ей до известной степени обеспечено бессмертие, ибо от нее, вероятно, пойдет летоисчисление той новой эпохи, которая началась с момента поворота мирового общественного мнения в отношении к советской власти.

Удивительно, что такая сенсационная работа до сих пор не появилась и на русском языке. Как ни безнадежно положение русского издательского мира в современных условиях эмигрантского бытия, все же можно почти безошибочно сказать, что напечатание « Я выбрал свободу » не представило бы материального риска. Только пониженной инициативой в рядах старой эмиграции, обескровленной неожиданным распадом, можно объяснить такое ненормальное явление. Между тем многие страницы повествования Кравченко могли бы быть чрезвычайно поучительны для той рядовой массы эмигрантов, которая увлеклась в годы войны мишурой « советского патриотизма ». Автор наглядно показывает фальшь ликвидации Коминтерна и возрождения националистических лозунгов, как бы позаимствованных в арсенале старинной Московии с ее концепцией мессианского православного « Третьего Рима » — парадный фасад был один, а подлинный лик « патриотической » власти в дни отечественной войны был иной : она секретно предписывала своим агентам не обращать внимания на вынужденные внешние уступки и продолжать дело борьбы с врагами внутренними, которых в массовом порядке самым циничным образом ликвидировали в тюрьмах при невозможности эвакуировать...

Книга Кравченко — непосредственное и авторитетное свидетельство большевика, дошедшего почти до верхних ступеней власти. Разоблачение убийственное, подтверждающее всю ту правду, которая лежит в основе нашей ненависти к большевизму. Когда берешь книгу в руки, то по началу, пожалуй, недоумеваешь, чем могла так заинтересовать детализированная автобиография иностранного читателя. А оторваться от книги нельзя. Лично про себя скажу — я ее проглотил в два с половиной дня, делая перерыв только на еду. Не могу даже сказать, каковы ее литературные достоинства, и как то совсем на задний план отступает личность автора — можно даже допустить, что последний прикрыл некоторым флером скучное и прозаическое жизнеописание советского карьериста. Все это неважно, так как центром внимания делается с жуткой отчетли-

востью выступающий в рассказе режим, который калечит и оподляет людей.

Со стороны фактической воспоминания Кравченко представляют исключительный интерес. Наш читатель уже знаком с выдержками, касающимися начала « отечественной войны » и паники в Москве, когда могло казаться, что советской власти пришел конец (сб. 9.10). Многие и другие страницы заслуживали бы воспроизведения. В них находим иногда подтверждение того, что даже нам, людям, до конца непримиримым к советской власти и абсолютно чуждым гипноза каких то большевицких заслуг, казалось невероятным. Напр., мы узнаем, что кремлевские заправилы, действительно, планомерно арестовывают советских граждан в целях реализации своей рабовладельческой государственной хозяйственной системы, не чуждаясь провокации в духе знаменитого во времена Плеве Комиссарова, печатавшего в тайной типографии мин. вн. д. революционные прокламации...

И всетаки меня ошеломили не отдельные факты, о которых хотя бы по аналогии я был достаточно осведомлен. Мое воображение не могла поразить волнующая страница о первой любви героя рассказа — трагическая исповедь молодой женщины, прекрасной в изображении автора, которая сделалась агентом политической полиции для спасения мужа и которая приставлена была затем к члену партии Кравченко со специальным назначением. Думаю, что иностранца такой драматический эпизод, обычный в советском быту, должен был потрясти. Нет, не это произвело на меня впечатление, по истине неотразимое, в автобиографии бывшего русского коммуниста...

Большевики, конечно, любят говорить, что « великая октябрьская социалистическая революция » превратила Россию в самую передовую «демократическую страну» и создала новый культурный и социальный мир. Этот тезис о «новом человеке», в аспекте, правда, не очень привлекательном, был моден и в публицистических упражнениях эмигрантских философствующих снобов, которые вышли из школы Бердяева. Непосредственное знакомство с « невозвращенцами » рассеяло в значительной степени эту фантастику. Книга Кравченко с большой ясностью—и в этом ее огромное значение — показывает, что за тридцатилетнее свое господство в России большевики под « знаменем Ленина — Сталина » **ничего** не создали в области« мирового строительства » — советская государственная система, измышленная « гениальным » провидением социального утописта нашего века, оказалась пуфом. Россия очутилась под властью грубо оголенной диктатуры, во власти « банды », как выразился сопричастный еще недавно ей человек — « банды », терроризирующей всех и все, « банды », окруженной холопствующими, взаимно ненавидящими друг друга и смертельно друг друга боящимися. Силен лишь тот, кто умеет сохранить перед всенивелирующим диктатором ласкающую улыбку в сложных перепетиях изменчивой судьбы. Таков, напр., один из видных членов партии, сугубо пострадавший в застенках, принесший повинную и вновь восходящий к кремлевскому трону — в интимной, неосмотрительно откровенной беседе с уезжающим в Америку Кравченко он признается в своей ненависти к режиму, в своей сокровенной мечте отомстить тем, кто заставил его унизиться...

Слово « банда » невольно напомнило мне характеризующий эмигрантскую психологию маленький эпизод сравнительно давних дней. Как-то в Праге на собрании представителей различных политических организаций мне пришлось делать доклад в связи с предпринятым нами в Париже изданием коалиционного «активистическо-

го » органа печати « Борьба за Россию ». Я отметил бандитский характер « государственной » власти, созданной большевиками. Моя аргументация показалась тогда демократической аудитории каким то застарелым пережитком эпохи гражданской войны. Прошло двадцать лет, и представитель новой эмиграции повторил мою терминологию. Я знаю, что ее упрощенность и теперь покажется многим чрезмерно примитивной. И всетаки в этом примитиве суть дела. « Банда » никогда не перестроит мир, и ее конец совершенно неизбежно предопределен судьбой. Поэтому, когда я читал мрачную повесть Кравченко о стране всеобщей лжи, я испытывал — дико сказать — радостно чувство от охватившего меня оптимистического прогноза. Черно еще на Руси, и много мучений предстоит перенести русскому народу, но меня уже не страшит будущее родной страны. Если в период « воинствующего большевизма » не удалось перевоспитать народ, то теперь никакому «железному занавесу» не преградить распространение микроба свободы, заражающего и аппарат власти, у которого в сущности не осталось никакой идеологии. Некогда самодержавие, исторически сложившуюся у нас власть, называли колоссом на глиняных ногах. Что сказать о «банде » узурпаторов? — Это заживо разлагающийся чудовищный спрут, омертвелые щупальцы которого отпадают. Жертва освобождается. Тридцать лет привели лишь ко всеобщей ненависти, которая на советском языке называется «безграничной преданностью партии большевков и великому Сталину» ... Нам не страшны перспективы, которые рисует Кравченко на ближайшее будущее — 30 - 40 мил. нового поколения слепых роботов «коммунистического государства», утерявших чувство индивидуальной свободы. Никогда этого не будет. Мы, старики, безбоязненно уже можем повторить : « Ныне отпущаеши». Не доживет большевицкая власть до 1960 года, и новое поколение сможет построить новую Россию. Исчезнет российский кошмар — рассеется и наваждение, грозившее охватить весь мир.

С. Мельгунов.

До чего надо дойти?

Я начну с одного воспоминания.

В давно минувшие годы 1917-20 в одном из больших городов юга России жил некий профессор. (Он еще жив, а поэтому его фамилию я условно обозначу иксом).

Общественно-политическая деятельность профессора X была противобольшевистской; он стоял во главе одной организации, которая ставила своей задачей возрождение России; он являлся шефом военного отряда, который был сформирован вышеупомянутой организацией и который вел боевую борьбу с «красными».

Далее мои воспоминания становятся грустными:

... мы долго молча отступали...

И, отступая, отступили в конце концов до Одессы.

В рядах отряда был весьма горячий на голову и еще более горячий на язык поручик Б. В тяжелые и мрачные одесские дни (конец января 1920 г.), когда «красные» наседали, и когда «все было кончено», профессор X, собрал получастное, полуофициальное совещание некоторых чинов отряда и поставил перед ними тяжелый вопрос: «что делать»? Все задумались. Поручик же Б. горячо и убежденно воскликнул :

— Разве мы контрреволюционеры? Мы боролись против боль-

шевизма, так как считали, что он — зло для нашего народа! Но оказывается, что мы ошиблись: народ не с нами, а с ними. Что теперь надо делать, спрашиваете вы? Надо послать навстречу красным делегацию, которой и поручить передать, что мы пересмотрели наши позиции и... всецело признаем большевизм!

Присутствующие молчали. Они знали, что надо ответить, но не находили достаточно сильных слов для ответа. На лицах и в глазах у всех горело возмущение.

Профессор Х. поднял голову.

— Для того, чтобы признать большевизм, — тихо сказал он, — нам не надо было доходить до Одессы...

Отряд погиб. Кое-кто остался «на поле брани», кое-кто попал в тяжелый плен. Профессору же Х. с немногими соратниками удалось переправиться за рубеж.

Он ушел с родины, потому что не мог признать большевизм. Он не мог признать его даже... даже дойдя до Одессы!

Я не знаю жизни профессора Х. в Зарубежье. Знаю только, что ныне он является одним из возглавителей той части русской эмиграции, которая ратует за признание большевизма.

Очевидно, на пространственном и временном пути от Одессы до Парижа произошло некоторое радикальное изменение. Но в чем произошло оно? Или же большевизм, быв до Одессы неприемлемым, стал после Парижа приемлемым, или же профессор Х., быв в Одессе неприемлющим, стал приемлющим в Париже.

Судить о профессоре Х. я не стану. Но судить о большевизме я хочу.

Изменился ли большевизм?

Как известно, «легенда об «эволюции большевизма» зародилась не сегодня и за последние 5-7 лет очень укрепилась. Большевики много сделали для создания и укрепления этой легенды, и теперь они имеют основание самодовольно потирать ладони. Поверили? Поверили!

Когда нам скажут, что хотим,
Куда как верится охотно!

Если об эволюции большевизма и может итти спор, то он должен итти не о факте эволюции, а о природе ее.

Эволюция мыслима лишь в пределах данного рода: Путем эволюции дикий шиповник может превратиться в роскошную розу. Но вряд ли ядовитая змея сможет путем эволюции превратиться в воркующую голубку.

Тот, кто хочет говорить об эволюции большевизма, обязан учитывать один из показательных примеров этой эволюции. Этапы ее следующие :

ЧК — ГПУ — НКВД.

Во что же другое могла превратиться путем эволюции кроваво-наивная и изуверски-анархичная ЧК, как не в кроваво-всеобъемлющий и изуверски-организованный НКВД?

Подобную эволюцию мы видим во всех областях. Большевизм эволюционирует, это несомненно, но в процессе своей эволюции он все более и более укрепляет и развивает **свои** свойства и, конечно, никак не может приобрести свойств, ему несоответствующих. Влияние на общественное мнение путем эволюции заменено категорическим требованием полностью подчинить общественное мнение постановлениям партии и правительства, насильственным формированием послушливых человеческих душ. Кое-какие остатки гражданских свобод прошли через всякие «ежовские рукавицы» и превратились в «единодушное голосование». Рабство мысли, чув-

ства и воли дошло до гиперболических пределов. Человек уничтожен без остатка, от общественной жизни не осталось ни рожек, ни ножек, а партийное око стало всепроникающим. Число арестованных и сосланных, которое до эволюции исчислялось сотнями тысяч, после эволюции стало исчисляться миллионами.

Эволюция? Эволюция!

Но всех этих признаков эволюции не хочет видеть профессор X., упорно стремящийся к признанию большевизма. Он козыряет другими признаками, которые отличаются от политической спекуляции только тем, что спекуляция не столь нагла и не столь цинична. Признание религии, роспуск Коминтерна, ставка на национальнЬе чувства, восстановление величия России... Разве можно забывать обо всем этом?

Забывать, конечно нельзя. Но и не понимать этих признаков тоже нельзя. А то, чего доброго, поверишь в духовное перерождение змеи: ведь она переменила кожу!

Все мы обязаны твердо знать:

— Тактика большевизма всегда отличалась и будет отличаться той неизмеримой изменчивостью, которую обычно называют цинизмом. Но основные принципы большевизма всегда и во всех случаях остаются неизменными.

Неужели так трудно понять, даже дойдя до Парижа, что в амнистировании религии заключено только издевательское использование ее «на данном этапе», но в ней нет ни капли того признания религиозного начала, которым готовы восхищаться восторженные господа. И неужели невозможно понять, что упразднение Коминтерна означает только изменение форм международной деятельности ЦКВКП (б), но никак не означает прекращение этой деятельности или же изменение сути ее. И неужели же в 47 г. можно еще что нибудь талдычить о пресловутой «ставке на национализм»? Ведь тот, кто читает советские газеты и слушает советское радио, хорошо знает, что «русский», «русская», «русское» времен войны изменено по манию руки и звучит твердо и определенно: «советский», «коммунистическая», «большевистское»... И разве победа русского народа уже не трактуется со всей обязательностью сей трактовки, как победа коммунистической партии?

Говорить же о том, что в минувшей войне русский народ защищал советскую власть, коммунистическую партию и весь большевистский строй, вероятно, не отваживается даже профессор X.

Большевизм эволюционировал. Это правда. Но его эволюция заключается в том, что он еще крепче завинтил винт пресса насилия над духом человека. Его эволюция в том, что китайская стена заменена железным занавесом. Его эволюция в том, что мысль, воля и чувство каждого беспощадно и всесторонне подчинены партийным постановлениям и партийным задачам. Его эволюция в том, что во имя очередной пятилетки наши несчастные соотечественники запряжены в новое непосильное ярмо и, задыхаясь в этом ярме, обязаны ликовать и славословить.

Как жаль, что не все прилагательные имеют степени сравнения! А то бы было так легко определить положение вещей коротко, ясно и справедливо:

— Эволюция большевизма в том, что он стал еще большевистее.

Пресловутая эволюция и заключена именно в этом усилении.

Но она заключена еще и в другом: Большевизм перестал быть локальным. Он вошел в Восточную Европу, он утверждается на Дальнем и на Ближнем Востоке, он создает многочисленные базы, он готовит политические, промышленные и военные плацдармы, он

угрожает прыжком, и... Господи, спаси нас! срок этого прыжка близится.

Что делать? Что нам делать при виде этой эволюции?

— Послать делегацию и объявить, что мы признаем большевизм! — декларирует профессор Х., повторяя через 30 лет предложение поручика Б. *).

И нет никого, нет, к сожалению, никого около профессора Х., кто бы повторил его собственный ответ:

— Для того, чтобы признать большевизм, не надо было доходить до Парижа!..

Н. Друганов.

Смертная казнь отменена

Русские люди постарше помнят хорошо тяжелые годы после штурм унд дранга первой революции. Тогда появилось толстовское «Не могу молчать» — могучий голос великого старца, неповторимый по силе протест против смертной казни. Андреевский «Рассказ о семи повешенных» и «Не могу молчать» надолго и глубоко затронули умы и сердца тех, кто хотел и мог чувствовать. Требование отмены смертной казни стало действительно всеобщим.

Советская власть никогда не произнесла откровенного треповского «патронов не жалеть», она ни разу с высоты кремлевской трибуны так называемого Верховного Совета не признала откровенно макаровского «так было, так будет». У советской власти даже не было в обиходе термина «смертная казнь», — была знаменитая формула: «высшая мера социальной защиты». О, великая, непревзойденная подлость!

Я никогда не забуду того полуобморочного состояния, в которое я пришел, когда в 1919 году в Киеве прочел в газете сообщение ВУЧК о том, что «в порядке красного террора» за «массовые расстрелы рабочих и крестьян» несколько дней тому назад в этом городе расстрелено 187 человек. Потом такие сообщения стали появляться ежедневно, и мы привыкли к ним, как к «бытовому явлению». Шестьдесят, восемьдесят, сто, сто тридцать человек — каждые сутки, А опубликовывались фамилии далеко не всех расстрелснных. Какой чудовищный аппарат палачей и садистов должен был работать в мрачных стенах гаража бывшего особняка Бродских в Липках, чтобы ежедневно производить такую бойню. И это делали те самые большевики, которые устами своих депутатов в Государственной Думе кричали : « долой смертную казнь ! », те самые большевики, о которых Максим Горький писал, как о носителях величайшего « советского гумманизма ». О, великая, непревзойденная подлость !

В начале двадцатых годов, в связи с введением НЭПа, последовал декрет о том, что органы ВЧК лишаются права приговоров, в том числе и смертных, и вводится институт судов, вместо революционных трибуналов. О том, что делают советские «суды» (кстати сказать, при благосклонном участии нынешнего советского дипломата А. Я. Вышинского, который был прокурором Верховного Суда СССР), знает хоть приблизительно весь цивилизованный свет, но что делали органы ГПУ, в которые были преобразованы, а вернее — просто переименованы органы ВЧК, об этом знаем только

*) Кстати, поручик Б. в начале 30-х годов погиб в мучительной и жестокой ссылке.

мы, самые несчастные в мире «подсоветские люди». *) Изменение в практике смертных приговоров ГПУ заключалось в том, что в органах ЧК смертные приговоры выносила ее коллегия, и эти приговоры, конечно, далеко не все публиковались в газетах, а в органах ГПУ приговоры выносила «тройка», связанная между собой круговой порукой безответственности, и эти приговоры никогда не публиковались. Количество смертных казней от такой «системы», конечно, не уменьшилось, но если бы была возможность опросить миллионы (миллионы?) людей, находящихся в « исправительно-трудовых лагерях », т. е. на каторге, то мы бы узнали, что по крайней мере 90% из них находятся на этой страшной каторге не по приговору какого-либо суда, а тройки ГПУ, которая « судила », **никогда** не вызывая обвиняемого на свои заседания, и даже без предварительного следствия. Абсолютно то же самое делалось при дальнейшем переименовании все той же ЧК в НКВД и т. д.

И смертные казни продолжались. Десятки тысяч, сотни тысяч... А те **миллионы** людей, которые находятся на советской каторге, — разве они **фактически** не смертники? Не знаю, что гуманнее, сразу ли расстрелять человека, или обречь его на страшную мучительную смерть, на медленное умирание от голода, после долгих и долгих месяцев непосильной изнурительной работы на сорокоградусных морозах, в тундре, болотах, в палящем зное Кара-Кумов?

Общественный протест? Даже мысль о возможности протеста категорически исключается. Наоборот, все мероприятия советской власти, в том числе и карательные, политика и вся пенитенциарная система служат предметом восхваления со стороны целой плеяды вольных и невольных подхалимов, с большей или меньшей мерой уменья и таланта делающих свое черное и предательское дело. Кто может, кто осмелится там поднять свой голос протеста, кто способен написать « Не могу молчать »? « Маститых » там нет. Всякие лауреаты и прочие « члены союза советских писателей » выполняют « социальные заказы » и творят специфическую советскую макулатуру.

В чем же все-таки дело? Ведь отмена смертной казни — факт? Советское радио сообщило всему миру, что советское правительство, неизменно руководствуясь гуманными соображениями, отменяет для мирного времени смертную казнь и заменяет ее 25 годами каторги. Колоссальный шаг вперед по сравнению с царским режимом, который, в случае помилования смертника, заменял казнь пожизненным заключением! Но, давая человеку 25 лет каторги, советской каторги, гуманное советское правительство ничем не рискует, так как никакой организм не может выдержать даже пяти лет голодного, холодного, « раздетого » режима исправительно-трудовых лагерей.

Почему именно сейчас этот козырной туз советской пропаганды вылетел из рук игрока? « Не могу молчать » — об этом думает весь СССР, но молчит, принужден молчать. Зато в мировой прессе, прессе не подчиняющейся палочке советского маэстро, все чаще, все настойчивее произносится « Не могу молчать ». Это заставляет призадуматься: не этим ли голосам вняли новоиспеченные гуманисты?

На самом деле весь трюк с отменой смертной казни имеет маленький « аппаратный » секрет ловкого фокусника. Секрет этого

---

*) Нет, мир осведомлен был широко о работе ЧК и ГПУ. Уже первая сводная работа С. П. Мельгунова « Красный террор в России » была переведена на все главнейшие языки. **Ред.**

« высокогуманного » акта заключается в том, что многоопытные фальсификаторы исторических документов совершенно сознательно не дописали в декрете об отмене казни двух слов. Но те, которые хорошо знают советскую практику, прочтут этот декрет так : смертная казнь **по суду** отменяется. Судам, послушным советским судам и судьям, обязательно членам партии всех рангов, предложено не выносить смертных приговоров, а « давать » 25 лет. Те, кто испытал советскую действительность, совершенно отчетливо представляют себе, что официальный акт отмены сопровождался совершенно секретным циркуляром (литера « К ») НКВД, судам и прочим заинтересованным учреждениям примерно такого содержания : « признавая необходимость уступок загнивающему буржуазно-капиталистическому и демократическому общественному мнению... ЦК ВКП (б) и Советское Правительство... отменяют смертную казнь по суду... из этого не следует, что основной лозунг о бдительности перестал быть актуальным... наоборот, враги поднимут головы... поэтому усилить меры надзора и репрессий »... и т. д.

Смертная казнь по суду отменяется. А приговоры **во внесудебном порядке,** приговоры коллегии, т. е. самые употребительные в СССР, сохраняются в полной мере. Но... « смертная казнь отменена! »

О, великая, непревзойденная подлость!

Сергей Полтавец.
(Австрия).

„Десять заповедей коммунизма"

(О чем не говорят г.г. Полторацкие).

Центральным правлением Комсомола только что выпущена брошюра, предназначенная к массовому распространению и носящая название « Десять заповедей коммунизма ». Вот эти «заповеди» :

1. Никогда не забывай, что самый жестокий враг коммунистического государства — духовенство.

2. Старайся обратить твоих друзей в коммунизм. Помни о том, что Сталин, даровавший русскому народу новую конституцию, глава безбожников не только Советского Союза, но и всего мира.

3. Заставляй своих друзей избегать священников.

4. Берегись шпионов! Доноси на саботажников!

5. Распространяй безбожную литературу среди населения.

6. Хороший комсомолец — воинствующий безбожник. Он должен уметь владеть своим оружием и быть испытанным в ведении войны.

7. Борись, где только возможно, с верующими и препятствуй им влиять на твоих товарищей.

8. Истинный безбожник должен быть хорошим охранником. Обязанность каждого безбожника охранять безопасность государства.

9. Поддерживай движение безбожников также и денежными взносами, особенно нужными для нашей заграничной пропаганды, так как в силу создавшихся условий она может вестись лишь нелегально.

10. Если ты не убежденный безбожник — ты не можешь тогда быть ни хорошим коммунистом, ни верным советским гражданином. Безбожие нераздельно от коммунизма. Эти два идеала — фундамент Советской власти.

Одновременно с появлением « заповедей » московский « Боль-

шевик » в № 23/24 помещает статьи о генеральной линии по воспитанию большевицкой молодежи : молодежь должна воспитываться по заветам ленинизма, в духе самого широкого материалистического мировоззрения. — Все эти данные — из католической швейцарской газеты « Neue Züricher Nachrichten » № 158.

Невольно возникает кошмарная мысль : не сигнал ли все эти противоестественные « заповеди » к началу нового гонения на религию? Какую ужасную роль играет тогда московский патриарх и его окружение? И еще один вопрс : почему не говорят об этом в своих парижских докладах г.г. Полторацкие? Не свидетельствуют ли они своим преступным молчанием, что они — целиком приемлют « заповеди ».

Шв.

Без советов

Советы Рабочих Депутатов и Советы Трудящихся не существуют в России не только фактически, но и формально. Время советов прошло безвозвратно, и всякая попытка возродить их—все равно, исходила-ли бы она от власти или от оппозиции — была бы вредна и осуждена на неудачу.

Советская система, как особая форма государства, глубоко отличная от ограниченных и неограниченных монархий, от аристократических и демократических республик, существовала в России **фактически** около пяти лет, а **юридически**, т. е. по конституции, 19 лет, до конца 1936-го года. Последняя, так наз. сталинская конституция отменила советы, установив несоветскую государственную систему.

Когда советы начали создаваться в 1917-ом году, они служили каналами, через которые проходила и кристализовалась выросшая политическая активность народа. Их сила была в том, что они были независимы, как от правительства, так и от политических партий. И мало кого беспокоило то обстоятельство, что в выборах участвовала лишь меньшая часть населения, что выборы были открытые, что Центральный Исполнительный Комитет Советов был продуктом многостепенных выборов. Советы были организацией общественной инициативы, а не конституционной базой большого государства. Именно поэтому в них и через них могла притти к власти та партия, которая отличалась наибольшей энергией и активностью, хотя и не располагала большинством в населении и даже в рабочей среде.

Выборы в Учредительное Собрание, которые имели место уж после октябрьского переворота, были еще совершенно свободные и, в то время как в центральном Исполнительном Комитете большевики располагали большинством, процент голосов поданных за них на выборах в Учредительное Собрание достиг лишь 25. В это время партия Ленина была в апогее, ее поддерживали солдаты, желавшие мира, крестьяне, желавшие земли, и значительные другие группы, разочарованные ходом революции.

Сложная иерархия советов, в качестве государственной системы, была закреплена Лениным в конституции 1918-го года. Желая устранить оппозицию, вечно опасаясь крестьянства, он установил сложную систему, при которой путь от сельского совета к уездному, от уездного к городскому, от городского к всероссийскому съезду, от Съезда Советов к ЦИКу, от ЦИКа к Президиуму был длинным фильтром, в котором на каждой стадии отцеживались оппозиционные и ненадежные элементы. Рабочим дано было конституцией большее

представительство, чем крестьянам. Один депутат приходился на 25,000 городских избирателей и на 125.000, сельских жителей. По конституции допускались открытые выборы. Эта система, очень своеобразная, служила путем для создания диктатуры, покоящейся на советском фундаменте.

Конституция 1924-го года не внесла в этом отношении ничего нового. Много было еще взрывчатого материала; восстания вспыхивали то здесь, то там; не советские партии, хотя и подавленные, еще жили в общем сознании — и рогатки и препоны, предусмотренные сложной советской конструкцией, казались необходимы для власти. Вскоре затем началась борьба коммунистических фракций, и казалось, что вот-вот она перельется за рамки Партии и ворвется в спокойные залы советских съездов и конференций, этих парламентов советского государства.

К концу дадцатых годов, все и всяческие оппозиции были ликвидированы, а то, что оставалось от коммунистических « уклонов », было неопасно. Даже борьба вокруг новых колхозов, бунты и голод не сделались источником органических политических движений, опасных для правительства. Сила полиции, с одной стороны, и пассивность населения, с другой, были так велики, что нужды больше не было в советской системе.

* * *

Советское государство прекратило свое существование в 1936-ом году, если говорить в терминах юридических, конституционных; но живая душа отлетела от советов задолго до того, как Сталин решился сделать выводы из новой внутренней и международной обстановки. В новой конституции оставлена была старая терминология: местные Советы, Верховный Совет, Совет Народных Комиссаров (позднее переименованный в Совет Министров), а государство называется Союзом Советских Республик. Но и в дореволюционной России существовали Государственный Совет и Совет Министров; во многих других странах правительство точно так же называется советом министров. Вся специфически-советская государственная система была упразднена, а вместо нее введена (на бумаге, конечно) та система, которая действует во Франции, в Америке и т. д. Местные «советы трудящихся » избираются теперь группами граждан не по социальному, а по территориальному признаку; точно также выбираются депутаты в Верховые Советы. Многоэтажная конституция Советов и Съездов Советов заменена прямыми выборами и предписано тайное голосование. Это именно та система выборов, на которой построено было Учредительное Собрание 1918-го года, и которая тогда была объявлена реакционной. Различие между новой советской системой и демократическими конституциями запада имеется в других частях ее (речь идет о легальной, формальной, а не о фактической стороне дела)—очень широки полномочия, которыми обладает Президиум Верховного Совета : он принимает законы, сменяет министров; оно сказывается и в привилегиях, предоставленных Коммунистической партии в тексте конституции.

Практика Италии и Германии показала Сов. правительству, что и без специфически-советской государственной системы, даже сохраняя некоторые внешние отличия демократии, диктатура может править, если аппарат полиции усовершенствован и подавление внутренних противников производится беспощадно. Позднейшая практика новой советской конституции не только подтвердила это правило, но указала и пути для преобразования будущих вассалов Советского Союза (Югославии, Польши, Болгарии, Венгрии и др.) : не было надобности отменять формально - демократические

конституции и «вводить Советы», власть коммунистического меньшинства сочеталась с выборами, производимыми якобы по демократической системе.

С термином «советской системы» и «советской страны» раньше связывалось, особенно заграницей, представление о совершенно новой государственной структуре. Многим она казалась загадочной, и Ленин злобно издевался над теми заграничными полукоммунистами, которые воображали, что советы, без революции, без гражданской войны, могут быть «вредены» и могут преобразовать в миг все человеческие отношения. В настоящее время с понятием советов и советской России полусознательно или бессознательно связывается представление об особом строе хозяйства, о всесильном НКВД, о коммунистической политике, в то время как сами «Советы Рабочих Депутатов» постепенно выветрились из общего представления о советском.

* * *

Если Сталин отменил советы, то, могло бы показаться, что оппозиция сталинизму должна ухватится за этот рычаг, чтоб повернуть руль русской политики в другую сторону. Это было бы ошибкой. Ибо рычаг это — воображаемый, бумажный, и корабля он не повернет.

Можно предвидеть, что в тот момент, когда общественная жизнь начнет возрождаться в стране и политические кризисы положат конец мертвому штилю, некоторые группы в России попробуют оживить старый лозунг Советов. Остатки старых троцкистов вместе кой с кем из ортодоксальных сталинцев будут держаться за идею «власти пролетариата» и, в своем увлечении революционной романтикой, захотят оживить традиции 1918-го года. Возможно, что и на другом фланге идея Советов, с той или иной вариацией или под новым именем, сделается популярной — среди некоторых монархистов, напр., и особенно среди русских фашистов, которые однажды уже потянулись за этим миражом, если такая группа найдет почву в стране. Общее всем им — это стремление установить власть меньшинства над большинством, хотя бы это была власть нового, не-сталинского типа. Опека над народом, над неспособным и слишком беспокойным населением — это объединяет все группы, которые, по старой классификации, расположены на крайне-левом и на крайне-правом фланге.

Между тем, в центре внимания будет стоять в ближайшее время не столько конституционная структура государства, сколько политические права, т. е. неприкосновенность личности и так наз. гражданские свободы. Многолетнее господство терроризма рождает и будет рождать все более сильную тягу к этой стороне многограннаго понятия демократии. Не столько структура государства интересует и будет интересовать население, сколько личная безопасность, твердая законность и, на более высокой ступени, политические свободы. Не реформа или упразднение Верховного Совета, а упразднение МГБ и Гулага будут стоять первым пунктом в порядке дня. С этого начнется. Остальное неизбежно придет, но во вторую очередь.

А Советы ушли в прошлое. Это была большая и важная страница в русской истории, и пришло уже время для беспристрастного и спокойного изучения ее. Но история уже перевернула эту страницу.

Д. Далин.

Есть нечто худшее тирании человека, это — тирания идеи.
Поль Клодель.

„Схема национально-трудового строя“

В своих предыдущих статьях, я высказывал мысль о своевременности и необходимости приступить к выработке конкретной программы строительства новой России, программы, на которой могли бы объединиться советские люди, недовольные существующим строем, для борьбы с коммунистической властью. Оказалось, что у меня есть единомышленники, и что образовалась уже группа эмигрантов, составивших такую программу, один экземпляр которой мне удалось получить. Само собой разумеется, что я всячески приветствую это начинание.

Мне неизвестны авторы программы, *) но по ее содержанию заключаю о их вдумчивом отношении к происшедшим в России переменам и о подлинном, вполне бескорыстном их патриотизме. К сожалению только тезисы их изложены в ненужном высокопарном стиле. Хотелось бы сказать — побольше простоты.

Составленная ими программа озаглавлена : « Схема национально-трудового строя ». А в примечании сказано, что это « черновой набросок ». Значит-ли это, что по мысли авторов она подлежит изменениям? Надеюсь, что да. В таком случае критика ее может дать некоторые положительные результаты.

« Схема национально-трудового строя », которая, по мысли авторов, должна объединить противников существующего строя для борьбы с коммунистической диктатурой, состоит из трех частей : 1) Часть идеологическая, теоретически обосновывающая программу, 2) собственно программа социально-политического устройства будущей России и 3) указание методов борьбы за осуществление этой программы.

Соединение в единое целое этих трех частей типично для программы всякой политической партии. И сколько-бы авторы ни изображали в мрачных красках деятельность политических партий, «ставящих партийные интересы выше национальных», они бессильны доказать, что сами они не приступают к организации новой политической партии. Ведь все существующие политические партии утверждают, что руководствуются общенациональными или даже общечеловеческими идеалами, а не партийными интересами.

Нельзя, конечно, не сочувстоввать авторам программы, мечтающим создать в России социально-политический строй, основанный на общественной солидарности и исключающий борьбу классов и партий. Но всетаки это только мечта. В государстве, в котором обеспечена свобода мысли и слова — а авторы программы считают это необходимым для будущей России, — не может не возникнуть политических разногласий, а следовательно и борящихся между собой политических течений и партий; а при наличности общественных классов, которые тоже по мысли авторов не подлежат уничтожению, будет существовать и классовая борьба. Государство может принимать меры для смягчения классовой борьбы, но совсем искоренить классовые интересы, а следовательно в какой-то степени и классовую борьбу совершенно невозможно.

Тем не менее я вполне согласен с авторами программы, что борьба с советской властью должна вестись не под партийными ло-

---

*) Программа эта составлена членами бывшего Национально-Трудового Союза. Ред.

зунгами. Но для этого нужно исходить в построении программы не из каких-либо, могущих казаться спорными, идеологических соображений, а из сопоставления реально-существующего строя с общепризнанными человеческими идеалами свободы и справедливости, от которых этот реальный строй далеко уклонился.

Чрезвычайно характерно, что авторы программы особенно настаивают на ее национальном характере. В самой программе в сущности ничего специфически национального не имеется. Социально-политическое здание, воздвигаемое ими для России, с таким же успехом или неуспехом можно строить в любой стране. Оно и понятно. Всякий народ имеет свои национальные особенности, но они проявляются не столько в формах социально-политического устройства государства, сколько в национальном духе, эти формы заполняющем. Но, если сама конституция государства Российского, имеющаяся в программе, ничего « национального » не заключает, то это тем более заставляет авторов настаивать на ее национальном характере в идеологическом предисловии. Для этого они вводят в него более чем спорную мистику русского мессианства :

« Так как идея российская есть идея справедливости общественной жизни, идея осуществления правды на земле и саморазвития не только для себя, но и для других, то, признавая самобытность России, как культурно-исторического явления, следует признать и мировое призвание нашей родины ».

Это вопрос веры, которая в свое время вдохновляла славянофилов и Достоевского. Но нельзя же эту веру навязывать всем, борющимся против советского строя.

Точно так же в идеологическую часть программы искусственно введено совершенно произвольное определение понятия « нация » : « Российская нация, говорится в 20-м пункте программы, есть тесная семья народов и народностей, объединенных вокруг русского народа и **осознавших** (курсив мой) на протяжении многовековой совместной исторической судьбы общность государственных, экономических и культурных интересов ».

Тут понятие « нация » отождествляется с понятием государства, что совершенно неверно. И почему только для России? С таким-же правом можно было-бы говорить о бельгийской нации, а до войны 1914-18 г.г. о нации австрийской, в которой немцы и разные славяне также имели « многовековую совместную историческую судьбу ».

Столь-же, к сожалению, произвольно утверждение, будто все народы, входящие в состав России, сознали общность своих интересов. Нельзя же свои пожелания, которые я вполне разделяю, выдавать за исторические факты. Еще недавно Литва, Латвия, Эстония, Грузия и Армения отпадали от России и были присоединены к ней насильственно, а восстания в Туркестане были подавлены кровавым путем. Ненависть к советскому строю содействовала отделению этих народов от России, но сепаратизм существовал и раньше, постепенно развиваясь.

Конечно, русский народ обязан богатством культуры своей совместной жизни с другими народами, а эти народы в еще большей степени обязаны России развитием своих национальных культур. Тем не менее латыши, эстонцы, киргизы, грузины и прочие народности России, включая даже евреев сионистов, никак не признают себя принадлежащими к некой « российской » национальности. Понятие нации прежде всего субъективно и единственно правильное для нее определение можно выразить так : « Нация есть народность, ощутившая свою национально-культурную обособленность».

Из многочисленных народов, входящих в состав России, неко-

торые лишь недавно сознали себя нациями. а из других не все добровольно оставались в составе Российской империи. В настоящее время принудительность их связи с Россией стала еще сильнее. И нужно прямо смотреть в глаза опасности распадения России при ее освобождении от коммунистической диктатуры.

Ведь это стремление всех народов к полной самостоятельности существует во всем мире, являясь основным препятствием для установления нормальной экономической жизни, а следовательно и длительного мира. Нет основания думать, что Россия составляет в этом отношении исключение.

Я совершенно согласен, что нужно принять все меры к сохранению целости многоплеменной Росси и, идумаю, как и авторы программы, что это возможно путем подлинного, а не фиктивного, как сейчас, ее федеративного устройства с широкими областными автономиями. Но считаю вредным закрывать глаза на существующую для ее целости опасность.

В первой теоретической части программы авторы ее еще много уделяют места развитию своих взглядов на « солидаризм », противополагая его классовой борьбе. Об этом я уже вкратце говорил, но более подробно коснусь этого вопроса при разборе второй, конструктивной части программы, к которой и перехожу.

Эта часть программы, как и вся она, отличается неумеренным многословием и нагромождением благих пожеланий, со многими из которых нельзя не согласиться, но иногда и весьма спорных.

Нет никакой возможности касаться в краткой статье всего содержания этой обширной программы и невольно приходится остановиться лишь на главных ее частях.

В основу ее авторы кладут вполне правильную мысль, выраженную ими так : « Борьба за новый строй не должна превратиться в коренную ломку всей советской системы. Из этой системы необходимо также извлечь то, что в ней заключается нужного и полезного для страны. Только таким путем строительства, а не разрушения, путем творческого синтеза, а не мести и огульного отрицания, можно построить новую Россию ».

Исходя из этой мысли, предполагается сохранить федералистическое устройство России с широкими областными автономиями, влив в « бумажную » конституцию СССР. вполне реальное содержание. Сохраняются национализированными недра земли, лесные пространства и предприятия крупной, тяжелой промышленности, сохраняется и монополия внешней торговли.

В отличие от существующего « тоталитарного социализма » советского строя предполагается открыть широкий простор частной предприимчивости и общественной самодеятельности в областях мелкой, ремесленной и кустарной промышленности, внутренней торговли и в крестьянском хозяйстве с заменой колхозной системы системой индивидуальных хозяйств. Предполагается оказывать всяческое поощрение всевозможным коллективным предприятиям свободной кооперации. Частная собственность на недвижимое имущество допускается, но с известными ограничениями и под государственным контролем.

В области политической провозглашается свобода слова, печати, собраний и неприкосновенность личности, в правовой — независимый суд и вообще все атрибуты обычного демократического государства.

Все это вполне соответствует мыслям, высказанным мною на страницах этого журнала, а следовательно не может встретить с моей стороны никаких возражений. К сожалению не вся программа состоит из таких вполне реальных построений. Авторы ее, исходя

из своей теории «солидаризма», пытаются строить новую Россию на новых основаниях, являющихся какой-то помесью фашистских теорий с демократическими принципами, и ударяются благодаря этому в фантастику.

Желая уничтожить в России борьбу классов и партий и построить ее на основе общественной солидарности (желание, конечно, весьма почтенное), авторы программы кладут в основу всего экономического и политического строя будущей России « трудовую общину » или « трудовую группу ».

« В трудовой группе сотрудничают представители разных видов физического и умственного труда. В ней солидаризируются руководитель предприятия и рабочий, инженер и подмастерье, агроном и доярка »... И далее : « Трудовая община есть единение трудящихся одного производственного и творческого коллектива (фабрики, санатории, газеты, села, торгового предприятия и т. д.) созданное по производственному, а не по профессиональному признаку, и потому охватывающее всех участников производства (хозяев, ответственных руководителей, рабочих, служащих, а иногда и лиц свободных профессий) ».

Эти трудовые группы или общины являются одновременно низшими хозяйственными единицами, ведующими каждая своим делом, и вместе с тем первоначальными ячейками при политических выборах. Члены каждой такой ячейки являются избирателями в высшие хозяйственные инстанции — волостные, районные, городские органы местного самоуправления, которые избирают депутатов в областные законодательные учреждения. А эти последние посылают представителей во всероссийскую Государственную Думу.

К сожалению в программе нигде не указано, как предполагается организовать низшие трудовые общины. Будут ли все члены их равноправны и каким путем будет, при их пестром составе, достигнута « общественная солидарность » и необходимая трудовая дисциплина?

Попытка построить государство на производственно-корпоративных началах не совсем нова. Такой опыт был произведен большевиками в начале революции в виде так называемого «советского строя ». В результате получилась полная анархия : рабочие вывозили на тачках инженеров, сиделки и сторожа руководили больницами и т. д. В конце концов большевики завели дисциплину, отказавшись от этой системы государственного устройства, хотя продолжают свою партийную диктатуру по прежнему именовать « советским строем ».

В несколько измененном виде производственные корпоративные организации были созданы в государствах фашистского типа. Но они могли существовать лишь благодаря фашистской диктатуре, упразднившей всякую свободу слова и мысли и превратившей их в казенные учреждения, руководившиеся партийными фашистами. А с крушением фашистских диктатур от этой принудительной общественной солидарности не осталось и следа.

Между тем авторы программы намереваются воссоздать всю эту сложную производственно-корпоративную систему в условиях провозглашаемых ими гражданских свобод.

Основная их ошибка заключается в том, что они выставляют общественную солидарность не как отдаленную цель, к которой следует стремиться, а предполагают ее уже существующей в виде господствующего стимула человеческой деятельности. Они хотят использовать ее, как средство для построения новой России, да еще непосредственно после многолетнего рабства, разрушившего в рус-

ском народе и те зачатки общественной солидарности, которые ему были присущи.

Затем, исходя из неизвестно как организованных « трудовых общин », путем многочисленных выборов, предполагается создать « ведущий слой », который « не должен быть ни правящей монопольно партией, ни господствующим классом, ни бюрократическим сословием. Ведущий слой — это отборные, лучшие передовые люди страны, выдающиеся своими способностями и качествами». И далее : « Отбор ведущего слоя в конечном итоге производится не столько путем выдвижения людей на выборах, сколько на основании проверки пригодности людей на практической работе ».

Понятно, что для такого « отбора » пассивное избирательное право должно быть ограничено : « Правом быть избранным в представительные учреждения пользуются лишь лица, имеющие установленный законом стаж общественной работы в нижестоящих представительных учреждениях, а также обладающие определенным минимумом социально-политических и общих знаний ».

Невольно напрашивается вопрос : кто-же будет судить о достаточном стаже и познаниях кандидатов? Центральная власть или доверенные люди из новой партии « общественной солидарности »? И не приведет-ли в конце концов такая « избирательная система » к составлению « единых списков » для голосующих подобно тому, как это сейчас практикуется в советской России?

Еще одно последнее замечание по поводу « схемы национально-трудового строя » : несмотря на то, что в ней предусматриваются всевозможные мелкие подробности проектируемого государственного устройства России, пропущено в ней, очевидно сознательно, нечто довольно существенное : нигде не указано, предполагается ли создать Россию республиканскую или монархическую.

« В национально-трудовом государстве, сказано в программе, верховная власть олицетворяется Главою Государства. Титул Главы Государства, порядок его избрания и замещения, а также объем полномочий определяется новой российской конституцией, утвержденной народным волеизъявлением в лице первого, созванного после национальной революции, народного Собрания ».

Совершенно бесспорно, что все сие должно быть установлено конституцей, равно как и многое другое. Это однако не помешало авторам программы проектировать целую систему государственного устройства, отказавшись высказывать свое суждение лишь по вопросу о существе верховной власти.

Конечно, нет большой принципиальной разницы между парламентарной монархией и парламентарной республикой. Это скорее вопрос стиля, связанного с историческими традициями, а не существа. Но в том то и дело, что авторы программы отвергают парламентаризм. По их мысли « исполнительная власть осуществляется Главой Государства через Правительство и подчиненных ему учреждений и лиц ». И далее : « Глава Правительства назначается Главой Государства и несет **перед ним** (курсив мой) ответственность за целесообразность своих действий. Остальные члены правительства назначаются Главой Государства по представлению председателем Совета Министров ».

Таким образом правительство не несет ответственности перед парламентом.

Трудно судить о пригодности такого государственного строя для России, если сущность « Главы Государства » остается загадочной. Президент-ли он республики, наследственный монарх или пожизненный гетман? В первом случае создается государственный

строй вроде существующего в Соединенных Штатах Америки во втором — восстанавливается подобие монархии Николая II.

При отсутствии парламентаризма разница между монархией и республикой огромная. И не случайно, что после двух мировых войн и всяческих революций в Европе уцелели только парламентарные монархии, а не парламентарная республика Соединенных Штатов Америки является самым сильным государством в мире.

В третьей части программы авторы утверждают, что советский строй не может эволюционировать и должен быть свергнут насильственным революционным путем.

Спорить с этим положением не приходится, если иметь в виду, то, что есть. Но ведь сейчас нет и революционного движения. Авторы программы лишь надеются, что оно создастся.

А каково будет соотношение сил в России через несколько лет — мы не знаем. Не лучше-ли поэтому не предугадывать путей, какими советские граждане будут проводить в жизнь предполагаемую программу?

А уже совсем странно читать в программе ряд параграфов, предусматривающих переходный режим после свержения советской власти. Невольно вспоминаешь русскую поговорку — «не хвались, идучи на рать». А ведь на рать-то никто еще не вышел!

Такая предусмотрительность придает недостаточно серьезный характер очень важному с моей точки зрения делу. А это весьма нежелательно.

В. Оболенский.

P. S. Статья эта была уже написана, когда я получил новое издание «Программы Национально-трудового строя», на этот раз уже окончательной. Эта « программа » мало отличается от предыдущей «схемы». В нее внесено только одно существенное изменение, которое считаю долгом отметить. В отделе « Выявление воли нации » предвидятся три формы такого выявления : 1) плебисциты и референдумы, 2) деловое представительство, избираемое многостепенными выборами, и 3) прямое представительство, основанное на всеобщем прямом, равном и тайном голосовании. В первоначальной схеме предусматривалось лишь « деловое » представительство. Таким образом, вместо однопалатной системы парламента, принята двухпалатная. Вместе с тем, хотя депутаты « делового » представительства по прежнему называются « ведущим слоем » и по прежнему говорится о их « деловом отборе », но из окончательной программы исчезли указания на необходимость « стажа » и на методы производства такого отбора. В остальном все остается по прежнему.

Поездка в Россию

1. Три поезда.

Европейский поезд подвез меня к советской границе в условиях полного современного железнодорожного комфорта. Многие из нас подъезжали не без волнения. Первое впечатление странное : громко-говорители орут какие-то визгливые частушки. Это продолжалось до самого последнего момента нашей пересадки из европейского поезда в советский. Под те же визгливые частушки двинулись мы с пограничной станции. Второе впечатление вот какое : русские люди теперь сильно полюбили портретную живопись! На стенах станционных бараков, низеньких и убогих, помещены несоразмерно большие портреты вождей, гениальных и негениаль-

ных. Тут же большие надписи, скромно указывающие, что путешественники попадают в страну оплота для всего мира и т. д... Пересадка в советский поезд меня заинтересовала. « Каков он окажется по сравнению с моим прежним? » спрашивал я себя. Вагоны старые, типа бывших в России когда-то скорых поездов; конечно, перекрашенные. После европейского комфорта и люкса разница особенно резка. Расстояние от Брест-Литовска до Москвы (приблизительно 1.000 с небольшим верст) мы сделали в 36 часов.

По пути станции после войны, конечно, разрушены, селений почти не встречается. Также мало и встречных поездов. В пути мы были две ночи и один день. Ночами не знаю, не заметил, а днем — лишь один встречный поезд...

Наконец Москва. Кто-то нас встретил, видимо из очень скромных, и мы были направлены в приготовленное для нас помещение. Подробность : наш ручной багаж помогали нести специально назначенные носильщики в формах, а багаж тяжелый, многопудовые ящики из багажных вагонов перегружались и разгружались исключительно женщинами. С начала и до конца моего пребывания в стране у меня росло и окрепло убеждение, что там широко применяется принцип « дорогу женщине! » — по крайней мере в области применения ее сил к тяжелому труду.

Забегу немного вперед. Личные обстоятельства дали мне возможность посетить захолустный провинциальный городок. Дела были покончены, и передо мной встал вопрос о возвращении в Москву. В кассе на станции выдать билет мне отказались, так как у меня не было на Москву соответствующего разрешения. После некоторых хлопот я получил разрешение на выезд из городка, но не в Москву и даже не по соседству с Москвой. Опытный человек мне посоветовал не смущаться, а ехать, поскольку везут. Я и поехал. Верст за 200 до Москвы после переговоров с новым опытным человеком я в станционной кассе по пути попросил себе билет в Москву, уплатил его стоимость и приложил мзду за хлопоты, 100 рублей. Отойдя от кассы, я полюбопытствовал проверить свой билет : Москвы на нем не значилось. В кассе, куда я вернулся, мне объяснили, что выдача билета на Москву без разрешения не допускается, что моя станция назначения на новом билете лежит за Москвой, и что я, проезжая через Москву, должен буду уже сам раскинуть умом. Я так и сделал. В Москве вылез из поезда, кстати сказать, не очень спешившего в пути, но очень переполненного пассажирами, ссорившимися беспрестанно, и направился к выходу. Встретившийся мне носильщик осведомляется, есть ли у меня специальное разрешение на въезд в Москву. Ответил отрицательно; не рассказывать же ему, как и почему я поехал в провинциальный городок. Мой носильщик предложил тогда вывести меня беспрепятственно на свежий воздух за 50 рублей. Я немедленно ему их и вручил. Он с моим чемоданчиком, а я с небольшим пакетиком за ним пошли по каким-то переходам, прошли какую-то последнюю дверь и вышли из вокзала. Я порадовался. Благополучно съездил, благополучно вернулся и опять попал на свежий воздух. Но... пред нами вырос милиционер, молодой, в новенькой довольно ладной форме. Спросил у меня документы. Я ему показал разрешение на выезд из моего захолустного городка. « Власть » мне сейчас же указала, что разрешение предвидит назначение моего пути не в Москву, а потому пригласила последовать в комиссариат. Входить в истинные подробности моего пребывания в Москве у меня не было охоты, и я просто указал милиционеру, что у меня в Москве есть родственник, живет там-то, и я проездом хотел бы его навестить; подал ему и письменный адрес этого родственника. Немного подумав, милиционер вернул мне адрес и вновь

пригласил идти в комиссариат. Тогда носильщик, не смущаясь присутствием милиционера и не понижая голоса, посоветовал мне дать милиционеру 50 рублей, от чего я неосторожно на этот раз отказался. Носильщик молча поставил мой чемодан на землю, повернулся и мгновенно исчез в какую-то дверь, прикрыв ее за собой. Позади меня вокзал, передо мною Москва, где у меня родные и готовый кров, и Москва, где существуют комиссариаты... Сопоставив все это, я повторил милиционеру просьбу доставить меня не в комиссариат, а на квартиру к моему родственнику. Он подумал и подозвал своеобразное такси, маленький грузовичок с отметкой « такси ». За рулем опять-таки женщина. Милиционер сообщил ей адрес моего родственника и спросил, сколько она возьмет за доставку меня с моим багажом. Быстро подумав, женщина-такси проговорила : « 120 рублей ». Милиционер, обращаясь ко мне, прибавил: « платите ». Тон его возражений не допускал. Я повиновался, уплатил женщине-шофферу затребованные 120 р., из коих она тут же при мне 50 р. вручила милиционеру. Пока он убирал деньги, работница транспорта спустилась на землю, сунула в грузовичок мои вещи, пригласила меня следовать за ними, и мы поехали. Милиционер нам вслед отдал честь.

2. На улице.

Улицы в Москве бывают центральные и нецентральные, несколько сот шагов в сторону от первых. И на тех и на других зимою снега не видал. Он беспрерывно убирается женщинами. Не забудьте отмеченный мною принцип « дорогу женщине ! » — в тяжелом труде. Помню, когда старый москвич попал на центральную улицу, он ахнул, и ахал сильно и долго на тему : « вот стройка! Вот это стройка! »... Он бывал в Америке и находил, что если не перегнали, то во всяком случае догнали. Действительно, дом, не тот, где живут мои родственники, а тот, где мне было отведено помещение, можно сказать, громадный. Вообще дома в десяток-полтора этажей на центральных улицах не редкость. Их стиль общеизвестен: громадный железобетонный ящик с большой прослойкой стеклом. Улицы нецентральные — старые домишки, часто разваливающиеся, некогда окруженные садиками. Теперь и садиков и заборов вокруг нет и в помине. Сведущие люди говорят, что все это исчезло в обывательских печах. Зато вместо бывшей когда-то зелени вы видите очень много штампованных статуй и портретов.

До какой степени портрет вошел в жизнь обывателя, видно из следующего. Я попадаю в милую старую семью, где и я у своих, и хозяева видят во мне своего. Мне показывают кроватки нового, третьепоколения деток детей; показывают любовно, гордясь своими детишками. И над этими кроватками на стене опять вижу « гениальные » портреты. С удивлением спрашиваю : « а это у вас для чего? » — « В школах раздают с приказом повесить. Приходится вешать »... Я вспомнил далекие годы, мои собственные школьные годы и, как ни напрягал память, по совести скажу — в ней было ноль портретов. Я вспомнил свою детскую, в которой никто не заставлял меня вешать эти портреты, и понял, что старая эпоха ушла безвозвратно. Ее заменил портретный прогресс...

Даже в метро, и там портреты в виде статуй. Кстати, метро ведь по оффициальным сказаниям построено доброхотами, добровольными руками. Сведущие люди мне объяснили, что строила метро опять-таки женщина по колена, а то и по пояс в воде; женщина, которую пригласили « добровольно » строить его. Нет сомнения, что эта женщина, разгрузив днем подошедший поезд, подметя ночью улицу, имела в распоряжении несколько часов, кото-

рые девать ей было решительно некуда. Вот почему эта женщина, горевшая энтузиазмом, в свободные часы построила это метро, по которому я сегодня за 40 копеек ездил. Внутри оно облицовано камешками так называемых ценных полублагородных пород. К слову сказать: эти камешки, говорили мне, доставлены сюда после разрушения тех великолепных храмов, которые блистали своими мраморами, порфирами, яшмами и т. д. Значит, выходит, камешки — « утиль ». Что ж, метро красивое.

Я вышел из метро и попал на улицу нецентральную. Зимой, а время было зимнее, — в Москве саней нет. Вместо них есть « гортранспорт », между прочим, трамваи. Тут требуется большая осторожность, настойчивость и ловкость. Попасть желающих много, потому давка и толкотня. Меня поражала при всех этих надземных средствах передвижения атмосфера постоянных ссор и брани. Надо отдать справедливость, — « густой » брани не слышно. У театральных касс, в поездах, у прилавков, у билетных окошек вокзалов — везде ссоры. Они в московском быту явление нормальное. Я вспомнил, что некогда слышал заграницей утверждение об изумительной спайке русского обывателя, научившегося помогать друг другу, чуть ли даже не жертвуя жизнью за ближнего пред лицом общей опасности, которая и по всему лицу Святой Руси и в частности по Москве ходит и зимой и летом, и в весенний май, и в дождливую осень, всегда в ежовых рукавицах.

Помню, тогда же случай свел меня в большом европейском городе с попавшим туда советским директором департамента. Его советскому превосходительству было явно интересно побеседовать со мною, мне было интересно побеседовать с ним, и на основе «do, ut des» мы столковались. Между прочим, я ему задал вопрос, правда ли, что среди советского обывателя замечается особая спайка, вызванная сознанием общей для всех опасности, спайка, доходящая именно до жертвенности. Его превосходительство, приподняв одну бровь, несколько криво усмехнулся и ответил, сначала как будто не по существу: « у нас в Москве, сказал он, большинство живет в коллективных квартирах, а индивидуальные квартиры имеют далеко не все. Я например, при моем положении, ждал индивидуальной квартиры немало лет, и вот теперь я ее уже получил. Не скрою, мне живется в ней не так плохо и во всяком случае более свободно. Ну, а в коллективной квартире, где на сравнительно малой жилплощади грудится несколько семей, где в одной кухне несколько хозяек, о какой спайке можно говорить! А в таких колективно-квартирных условиях проживает ведь большинство москвичей ».

У французов есть слово « ambiance ». Теперь, видя в Москве повсюду ссоры, слыша постоянную взаимную ругань, я вспомнил ответ советского превосходительства и понял, почему московская « ambience » — неизменная ссора. Да, спайки там нет. Но зато там есть одно новое бытовое явление, коего девиз « не зевай »! » Оно заслуживает особого очерка.

* * *

Москва — большая деревня. Так говорили раньше. Это определение повторю и я, придавая ему несколько иной смысл. Москвич, за редким исключением советской элиты, москвич, которого мне пришлось видеть на улице и не на улице, сразу же произвел на меня впечатление сугубой деревенщины, — и по одежде, и по взаимному обращению и по всему своему внешнему облику. Элиту, повторю, надо исключить. Одет москвич нищенски, во что-то, видимо, сохранившееся от прежних времен и много раз перешивавшееся; обут он по преимуществу в старые рваные валенки (дело

было зимой); и лица-то какие-то слишком деревенские. А мне очень хотелось видеть современную русскую интеллигенцию. На улице же, по крайней мере по внешности, я найти ее никак не мог. В число моих задач при поездке на родину входили и розыски материалов для моей научной работы. Естественно, я искал их в библиотеках и книжных лавках. И вот тут-то я встретил достаточное число представителей подлинной интеллигенции. С некоторыми из них вступал в беседы по вопросам весьма специального характера и, сравнивая нынешних со старыми, должен признать, что по существу я разницы не заметил, а по внешности эта разница была громадна. Мне кажется, что общая нищета, заставляющая и интеллигенцию надеть на себя все, что ей по средствам, придает ей вид очень неказистый. Впрочем, по некоторым наблюдениям думаю, что сегодняшний интеллигент ничего не имеет против того, чтобы и внешностью своей не выделяться из общей массы полунищенского или совсем нищенского вида.

Московская « дама » тоже весьма сильно изменила свой облик. Старый платок на голове, чаще всего невероятная кацавейка, старое пальто и почти всегда какие-то старые выцветшие шали. В большинстве случаев и у женщин на ногах все те же валенки. Приходилось мне встречать на женщинах что-то меховое, но это что-то бросалось в глаза своим облезшим мехом, часто в заплатах, а подчас и просто в дырьях. Истина требует признать, — я видел нескольких женщин в приличных меховых манто. Это были какие-то редкие рельефные пятна.

Таков облик москвича на улице. Об элите, особенно носящей современную форму, говорить нечего; как она одета, все знают. Подытожу: на улице внешне обеспеченные единицы и полунищенская масса.

4. В театре.

Внешнее впечатление о театральной публике продолжает с небольшим изменением мои впечатления от уличной толпы. Конечно, в театре публика несколько принаряжена. В тех местах, в каких я сидел, т. е. в лучших и более дорогих, я видел москвичей, одетых получше, чем на улице, в особенности москвичек. Но большинство театральной публики, по крайней мере на 4/5, при том публики явно приодевшейся, все-таки производит убогое впечатление своим нарядом. И на улице и в театре мне приходилось бывать в обществе иностранок, тоже приехавших из-заграницы. У себя на родине они ничем не выделялись бы ни в праздник, ни в будни из общей массы. В Москве они являли собой нечто вроде белых ворон. И мужчины и женщины глядели на этих иностранок с нескрываемым — не любопытством, а вниманием. Меня удивило, сколь многие взоры часто фиксировались на ногах моих спутниц. Помню, одна из них вызвала особое к себе, вернее, к своим ногам внимание тем, что обута она была в добротные модные спортивные туфли. Шляпы, шубки и пальто этих моих спутниц настолько притягивали к ним взоры, настолько мешали им чувствовать себя незаметными в московской толпе, что все они очень скоро в целях мимикрии постарались упростить свой внешний вид, заменив, например, шляпу платком, не Бог весть какую первоклассную шубку — каким нибудь скромным пальто, но и при всех этих маленьких ухищрениях они продолжали выделяться из общей массы.

В театре мне довелось быть много раз в обоих столицах. Очень хороший оркестр и средние голоса в опере, хорошая бытовая (Островский) драма, хороший театр Художников, где однако, по-мо-

ему, новые имена старых не затмили. Прекрасный, исключительно прекрасный балет. Постановки во всех театрах но части декораций и костюмов изумительны, и многие мои собеседники «постановку» театральную с этих двух точек зрения называли сказкой.

В театрах я платил за свои места в первых рядах 25-30 рублей. Цен следующих за моими мест не знаю. В синема билет — 1 рубль. Но знаете ли, что меня поразило в этих столичных театрах? — При сохранившейся по-старому блестящей внутренней отделке, при наличии публики театральной, постаравшейся как-то приодеться, я был потрясен тяжелым, скверным ... запахом! Этот чрезвычайно неприятный запах буквально поражал всех иностранцев, бывших, как и я, в театре. Среди них мне довелось слышать тому и своеобразное объяснение, — это запах русского варварства. Объяснение, конечно, обидное, но опровергнуть его мне было нечем; воздух действительно тяжелый. Кроме того, при всех моих посещениях театров залы бывали переполнены. Подъезжая или подходя к театру, вы прежде всего усматриваете хвосты перед кассами и около хвостов значительное число перекупщиков. У меня возник вопрос, не есть ли переполненная театральная зала показатель известного житейского благополучия. Ответ на него, притом исчерпывающий и достоверный, я получил позже. Скажу об этом, если придется, в дальнейшем.

Русский.

Немецкий обман

(Свидетельство очевидца).

Немцы ничего не выполнили из того, что обещали при своем вступлении на Украйну.

Существовавшие колхозы и совхозы не только не были распущены, но государственный контроль над колхозником и нажим на него еще больше увеличились в лице представителей немецкого административного аппарата, так наз. гебиц-комиссаров и зондерфюреров. Колхозник зачастую меньше получал за свой «трудодень», чем даже при советах. Немцы, за особыя заслуги, давали маленький участок земли, но это очень редко бывало.

Колхозная система была, конечно, очень удобна немцам для большего и скорого вывоза зерна из России.

Пишущий эти строки является очевидцем наиболее плодородного и богатого края — юга России, Таврии. При немцах в этом районе колхозник с семьей до 4-х человек едва-ли мог иметь 1 килогр. хлеба. Если же имел корову, то поставки молока власти просто были невыполними, — до 700 литров в год. Доходило до смешного — с козы также требовалась поставка молока. Кто же не выполнял этих норм, корова отбиралась, не считаясь с тем, что многочисленная семья с малолетними детишками обрекалась на голод. Масса была несправедливостей в отношении поставок. Зависело от симпатий зондерфюрера : иногда отбиралась единственная корова (существовала также поставка мяса).

Эти зондер-фюреры, будучи в Германии ничтожными землевладельцами, явились в Россию управлять земельными участками в несколько тысяч десятин, о чем и представления не имели. Ставили задачи местным старостам и условия совершенно неразрешимые. Если же староста или ближайший сотрудник зондер-фюрера старался объяснить или указать на эту или иную неправильность, этот человек впадал в немилость, а зачастую и избивался. После такого

отношения, конечно, все отшатнулись и озлобились. Если к этому прибавить еще личное поведение зондер-фюрера, то образ представителя немецкого административного аппарата будет ясный. Обычно под всевозможные свои праздники зондер-фюреры на глазах полуголодающего населения устраивали у себя вечера с девицами, доходящие до настоящих оргий. Мне также припоминается случай, когда херсонский гебиц-комиссар ожидал к себе в гости, на охоту, гебиц-комиссара города Николаева. Было приказано херсонским гебиц-комиссаром в месте охоты, по Днепру и по так называемым плавням (островки на Днепре), насыпать зерна для приманки дичи; это когда в Херсоне люди голодали!

Все это поведение немецких управил вызывало страшное озлобление населения. В некоторых районах гебиц-комиссары настолько бесчинствовали, что матери пугали ими детишек. Население в массе все еще терпело, но уже стали появляться отдельные партизанские группы, которые мстили в своих районах немецким управилам, происходили случаи убийств гебиц-комиссаров и зондер-фюреров.

43-ий год — злосчастный для немцев. Немецкие армии оставили Кавказ, Кубань и отступали на северных участках фронта. Немецкие руководители стали искать причину начавшейся катастрофы. Главную причину не трудно было найти. Под сильным нажимом военных, которые во много раз лучше понимали свои ошибки и неуспехи в России, немцы начали проводить аграрную реформу, чтобы как-то опять привлечь главные массы крестьянства и тем самым успокоить тыл армии. К весне уже было значительное количество партизанских групп, которые нарушали движение и подвоз к фронту, взрывая железную дорогу, нападая на военные транспорты и т. д.

Было опубликовано общее распоряжение и даны инструкции всему административному аппарату начать аграрную реформу и в первую очередь на юге Украины. Повсюду, в малых и больших селениях, были развешены воззвания о том, что колхозы распускаются, и что вся земля будет передана бывшим колхозникам в частную собственность, но в виду недохвата тяглой силы и земледельческих орудий, колхозники должны разбиться на отдельные группы, так наз. десятки с определенным участком земли, который должны были совместно обработать, с условием передачи 25% урожая государству.

Русский колхозник, несмотря на неуспехи на фронте, еще раз решил довериться немцам, — так жаждал он земельной свободы. Работая самостоятельно на своем участке земли, крестьянин готов был отдать не только 25%, но и все 50%.. лишь бы иметь какую-то часть **своего**.

На полях плодородной Таврии закипела работа. На удивление немцам стали появляться недостающие в большом количестве земледельческие приспособления, как-то : вилы, лопаты, грабли, плуги, бороны, веялки и т. д. ; оказалось также достаточное количество тяглой силы, чтобы обработать свои участки земли. Делались чудеса : в рекордное время были сделаны весенние посевы! Русский крестьянин за 25 лет впервые хотел почувствовать себя хозяином своей земли. Я свидетель незабываемых моментов, когда вся семья бывшего колхозника с малыми детишками от зари до зари трудилась на своем участке земли. Труженик видел результаты своего труда : день за днем поднимались зеленые ковры весенних посевов, предвещавших великолепный урожай. Подошло время уборки хлеба. Гебиц-комиссарами было сделано распоряжение — хлеб для молотьбы свозить в определенные места, где находились привезен-

ные немцами молотилки, чтобы помочь и ускорить уборку зерна. К этому распоряжению крестьяне отнеслись недоверчиво; и действительно, чувство их не обмануло : все зерно немцами увозилось, и ни о каких процентах речи не было. Это был конец всякому терпению. Крестьяне уже готовы были идти на все. Начались саботажи, поломки молотилок, грабежи зерна, убийства немцев участились. Самые жестокие меры наказания не помогали, как напр. сжигание тех сел или местечек, где происходили убийства немцев, а лишь больше озлобляли население.

В партизаны повалили и старые и малые, женщины и дети. Осень была сплошным избиением немцев. Тыл немецкой армии кипел. Немецкие управилы потеряли всякую возможность руководства. Их армии катились безудержно на запад. Немецкий обман, грубость и жестокости всколыхнули массы.

Все немецкие ошибки советами использовались умело, настраивая народ еще больше. В то же время начали кричать о русском патриотизме, заявляя, что сов. власть уже является русской властью, которая защищает интересы государства Российского. Вспоминали также национальных героев, величие русского духа и народа; были возвращены погоны армии. В тот момент власть все обещала народу, лишь бы только выгнать немцев. Но настроение народа было недоверчиво, и многие заявляли : « выгоним немцев, а потом посчитаемся и с советами »; говорили, что если советы не переменят своей прежней системы власти, они уже не будут покорными верноподданными режима, который испытывали в течение 25 лет. С такими надеждами встречалась Красная Армия...

Павлов.

О советской оккупационной армии

Советская оккупационная армия в Германии состояла больше чем на половину из «освобожденных» советских граждан. Эти новички не имели далеко тех прав, которыми пользовались красноармейцы, не бывшие в плену. Новому пополнению не разрешалось вступать в комсомол, находиться в штабах, посылать домой посылки, не возстанавливались бывшие награды и звания. Все чувствовали себя безнадежно, подавлено. И, конечно, никто не решался рта открыть, даже для справедливого протеста. Старые солдаты буквально были недовольны окончанием войны. «Все не то, что обещали нам. Война лучше — легче было», — говорили они в один голос. Безрадостные перспективы были и для демобилизованных старших возрастов, отъезжающих в СССР. Беспросветная тьма, тяжелый голод, непомерный труд, негодование, граничащее с отчаянием — вот что ожидало дома «воинов - победителей». Эту картину рисуют письма родных и близких красноармейцам.

Вот, например, что пишет из Тульской области жена своему мужу — сержанту: в конце августа 45 г.: «Милый муж, получила твое письмо и вторую посылку — спасибо... Скоро начнутся занятия в школах, но я не знаю, в чем отправить наших детей. Одеть совершенно не во что. Писать не на чем нечем. Пришли, пожалуйста, бумаги и карандашей. Я прошу твоего разрешения, милый муж, продать кое что из твоих посылок, чтобы купить хлеба. Есть совершенно нечего, живем впроголодь».

Вот письмо из Курской области : «Здравствуй, дорогой наш сын. Сообщаем, что живы и здоровы... Вася (брат) находится в ар-

мии и стоит сейчас на Украине. Он все время просит нас выслать сколько нибудь сухарей. Жизнь у нас очень дорога, а денег нет (перечисление цен на продукты). Живем плохо, но думаем будет лучше».

Таким же безнадежным тоном звучат письма из Сибири, с Урала, из Крыма, с Волги. Везде говорится, что все дорого, ничего нет, голод и труд даже для престарелых старух, «чтобы паек побольше получить». Нужны-ли коментарии к голосу отчаяния нашего народа?.. А в это время в Кремле поднимаются чаши, произносятся тосты за здравие великого русского народа — победителя, «счастливейшего» народа на земле. С каким животным цинизмом произносятся эти слова «сильными мира сего».

Часто люди, предназначенные к демобилизации, всячески препятствовали своему отъезду домой — все-же сытнее было в оккупационной армии. А были и случаи самоубийства. Один раз мы приехали в полк для очередного концерта. Было воскресение, теплый солнечный день. За несколько минут до начала концерта мы заметили, что происходит какое-то волнение среди красноармейцев, внезапно хлынувших к выходу из театра. Мы тоже вышли. В густых зарослях сирени, сзади театра, на одном из деревьев висел красноармеец пожилых лет. Когда сняли труп, то в кармане была найдена записка, которую удалось прочитать и мне. «Я скоро еду домой, спасибо. Но что ждет там меня. Прощайте», — все что было в его последней записке. Оказывается, перед этим он получил письмо из дому. Можно догадаться о содержании его. Чаще были самоубийства среди «новичков». Дезертирство массовое: каждый день из полка уходило 3-5 человек. Гауптвахты были переполнены. Было ясно, что лишь острая нехватка людей вследствие огромных потерь на фронте, заставила надеть красноармейскую форму на бывших в плену. Среди офицеров были разговоры о том, что через 3-5 лет все бывшие пленные будут за проволокой. «НКВД разберется», успокаивали себя поклонники советской власти. Все это доходило до сознания отверженных людей и порождало необычайное количество «чрезвычайных происшествий».

Я был живым свидетелем потрясающих сцен, происходивших в полках оккупационной советской армии, на что только не решались красноармейцы, чтобы устранить опасность дамоклого меча над своей головой. Упорно распространявшиеся слухи о надвигающихся репрессиях по отношению к бывшим пленным, невозврат товарищей, вызванных на допросы в НКВД отчаянные вести с родины — все это заставило многих накидывать петли на свои шеи. Почти ежедневно находили повесившихся солдат. Я сам был свидетелем многих сцен снятия трупов с петли.

Более предприимчивые, или не совсем поддавшиеся отчаянию искали других путей к выходу из этого гнетущаго положения. Они, по одиночке и группами, дезертировали из армии. Многие уходили в леса и продолжали там вооруженную борьбу, нападая на проезжавших офицеров и комиссаров; другие предпочитали переходить в американскую, британскую и французскую зоны. Для этого пользовались всем возможным: садились на ходу в поезда, следовавшие на запад, обычно в товарные, зарываясь в уголь, между пустых бочек и т. д. Часто же, даже средь бела дня — васкакивали на воинские эшелоны с американскими или английскими солдатами, если не были замечены шпионами, то благополучно пересекали границу. Многих, конечно, постигала неудача. Однажды я был свидетелем такой сцены. Шел американский поезд около красноармейского расположения, тихим ходом. Один крас-

ноармеец заскочил в вагон к солдатам, но был замечен «кем-то» и была поднята тревога. На следующей станции поезд был остановлен и в нем представители советской контр-разведки произвели тщательный обыск. Беглец был обнаружен и тут же избит до полусмерти. Нашли его уже в американском обмундировании, и выдало его лишь отсутствие волос. Он был расстрелен в штабе дивизии. Несмотря на это подобные бегства не прекращались.

Против «лесных мужиков» часто устраивались облавы на несколько сот километров и участвовавшие в этих операциях воинские части теряли многих из своего состава дезертировавших в лесу. Ни одна «прочистка лесов» не обходилась без новых дизертиров. Пойманные же русские расстреливались на месте, или же приводились в штабы, где их ждали пытка и смерть.

Но удивительно то, что и среди солдат, не бывших в плену и воевавших до победы, прошедших пешком от Сталинграда до Берлина, наблюдалось подобное же явление и в довольно крупном масштабе.

Уральский.

Письмо красноармейца

(Получено с оказией из Берлина).

... Ты мне написал о международной обстановке и спрашиваешь меня, что я думаю?.. Ты только думаешь, а я ожидаю с каждым днем, ибо другого выхода нет. Громыко спорит с американцами и англичанами, заслуживая на свою грудь ордена, и пробивает себе выше дорогу. Он накликает снова на нашу шкуру и кровь новую войну, но я уверен, что если начнется она, то полетят его ордена с его глупой головой вместе! Почему не пожить спокойно 20-30 лет без войны? Тоже глупость. И такими глупостями забита наша родина, во имя которой полегло много нашего брата... Вот что я думаю. У нас сейчас весна, тепло, для меня весна и природа наидороже на свете, когда можно уйти подальше от людей и от этого смрадного мира, где только человек старается человека обмануть и насмеяться друг над другом. Уйти куда - нибудь в поле, на свободу... Пока все. Пиши, не забывай. С приветом. (Апрель).

Страшная биржа.

«На каждую добытую в Колымском крае тонну золота приходится не меньше 700 - 1000 погибших там человеческих жизней... По человеку за килограмм — вот нормальная таксировка человеческих жизней на страшной бирже в Магадане.

(Николаевский. «Советская каторга». Н. Ж. № 15).

Рассылка литературы в лагеря «Ди-Пи» и в места рассеяния «новой эмиграции» требует значительных денежных затрат. Для осуществления этого важного дела удовлетворения духовных потребностей обездоленных русских людей нужна широкая помощь. К ней и призываем мы всех сочувствующих. Пожертвования с точным обозначением их назначения редакция просит направлять на текущий почтовый счет

Mr. Melgounoff Serge, Paris, c 1841-19.

Редакция может высылать бесплатно свои издания (равно «Социал. Вестник» и «За свободу») лишь в пределах получаемых пожертвований.

О русских изгоях

КТО МЫ?

Это далеко не праздный вопрос.

Мы сами и все, среди которых протекает наша жизнь, должны ясно представить себе: кто — мы?

Нас много, мы различны и по языку, и по своей национальности, по рождению, по традициям, обычаям и привычкам. Но, в то же время, у нас есть основное общее: все мы — силою обстоятельств — оторваны от родины и всеми нами, именно теперь, с особою жестокостью играют жизненные волны. Это связывает нас воедино, несмотря на нашу многонациональность, языковые различия и проч.

Мы — эмигранты, — люди, лишенные родины, родных, собственного крова. Но — казалось бы — в нашей собственной воле изменить свою судьбу. — Почему же мы здесь, почему мы и сегодня живем за рубежом своей родины? — Потому ли, что воздух Запада лучше воздуха восточных стран ? — Потому ли, что чужой хлеб вкуснее того, которым мы питались до нашей эмиграции?

Нет, — не потому.

Эмиграция — это трагедия нашей жизни (и даже — трагедия наших народов), и только потому мы стойко и бестрепетно переживаем ее, перенося лишения, невзгоды, «странствия по чужим дорогам», что мы не просто эмигранты, перемещенные лица, беженцы, апатриды, а — **политические эмигранты.**

Мы не искатели приключений ради приключений и каких-либо выгод или удобств, не искатели призрачного «счастья» в чужих странах, а люди **политической идеи.** И эта-то идея и спаивает нас в единый большой организм, эта-то идея и превращает нас из беженцев, перемещенных лиц в большую по количеству и сильную по идейной насыщенности группу — **политических эмигрантов.**

Мы сами не должны никогда, ни при каких обстоятельствах, забывать об этом ; мы должны заявлять это всегда и везде во всеуслышание, указывая на то, что наше пребывание вне родины является не случайностью, не капризом или рассчетом, а — нашей **жертвой,** приносимой бесспорно всеми нами во имя единой высокой идеи. Наше наименование — **политический эмигрант** — является и нашим знаменем, и нашей гордостью. Это знамя мы должны нести стойко, не сгибаясь, и пронести с честью среди жизненных бурь и гроз.

Вся наша жизнь в эмиграции должна быть насыщена пониманием наших задач и идеалов. Всякое разрешение и решение нами общих проблем и личных вопросов (даже и мелких бытовых) должно основываться на четком понимании сущности нашей идеи, наших **политических идеалов.**

Это — ключ к самопониманию, это — ключ к пониманию нами и окружающими нас нашего места в жизни, к пониманию нас народами земного шара. Это — точный, прямой и ясный ответ на поставленный нами вопрос — кто-мы?

А. У.

Автоматы.

Из Осло нам пишут: «Приехал Государственный хор СССР. Поют замечательно, голоса первоклассные... но чего то не хватает. Как будто трубка органа, а не люди».

СВОБОДА НАРОДАМ

Нам доставлен номер журнала « Набат », изданного в середине 46 года в одной из зон оккупации. Хотя в нем много интересного информационного материала, мы все же не имеем достаточных данных для суждения о конкретной деятельности за истекший год того « Антибольшевицкого блока народов », от имени которого выпущен на ротаторе названный орган. Повидимому, инициаторами блока является группа украинских деятелей с известным уклоном в сторону идейного анархизма. Некоторые суждения, высказанные на страницах « Набата », и в особенности неразборчивая терминология, которая употребляется в отношении дореволюционной России, способны вызвать большие сомнения в возможности для АБН. добиться положительных результатов...

Мы являемся горячими сторонниками свободы и равноправия народов, населяющих исторически сложившуюся Российскую Империю, но ставка на расчленение России заставит нас неизбежно ощетиниться. Наш девиз — единая, **федеративная** Россия... Перед тем, кто серьезно хочет бороться с тлетворным большевизмом, законно поставить вопрос: целесообразно ли заниматься проповедью утопического превращения нашей страны в какой то « союз независимых народов »? В условиях современного человеческого общежития само сочетание этих слов является политическим нонсенсом. Стоит ли в период острой борьбы естественных союзников превращать в злейших политических противников? Те, кто сейчас делает ставку на расчленение России, фактически только поддерживает большевиков в их псевдо государственной политике.

При всех этих оговорках мы должны с большим сочувствием отметить принципиальную установку, которая делается в декларации АБН., обращенной к « политбеженцам всех национальностей ».

Из воззвания комитета.

« Все мы, без различия национальностей загнаны на скитания в чужой стране одним врагом, порабощающим наши родины. Этот враг — большевизм. Все мы имеем одну, общую для всех нас, цель — освобождение наших родин от большевистского ига. Путь к достижению этой цели один : непримиримая борьба с большевизмом, борьба единодушная, дружная и согласованная, в едином антибольшевистском фронте. Во имя этого должны быть устранены и забыты все второстепенные в настоящей действительности споры и недоразумения, имеющиеся среди нас — внутри каждой национальной группы и между отдельными национальными группами. Ведь все эти споры ничего не помогут нашей общей беде здесь, в изгнании, нашим народам на наших родных землях и нашей общей борьбе с нашим врагом-большевизмом, но они приносят огромный вред всем нам, идя на руку большевикам. К сожалению многие из нас еще никак не могут понять этой простой истины. В жизни наших лагерей и других мест скопления наших людей в изгнании очень нередки явления взаимной вражды разных национальностей...

Поэтому Комитет АБН, на знаменах которого поднят лозунг — **свободолюбивые народы и люди всего мира соединяйтесь в борьбе с большевизмом за свободу народов и человека!** — обращается к вам, политическим беженцам всех национальностей :

1. не допускайте того, чтобы слепой шовинизм, подогреваемый большевистскими провокаторами, сеял вражду в рядах политических беженцев.

2. удерживайтесь от всяких шовинистических или идущих им на руку выступлений в быту и прессе; пресекая всякие захватни-

ческие тенденции империалистических клик одного народа в отношении другого, не переносите вины за это на народы, от имени которых они говорят,

3. разоблачайте и осуждайте всякие шовинистические выпады в отношении других народов в среде политических беженцев своего народа.

4. во всех местах совместного жительства создавайте атмосферу дружбы народов, борящихся с большевизмом; не отгораживайтесь в замкнутые и враждебные между собой национальные группы; борьба с большевизмом не терпит никаких узких границ; творите единый антибольшевистский фронт народов на каждом шагу, во всех отраслях жизни;

5. всячески помогайте друг другу в быту; облегчайте и без того тяжелое существование политических беженцев всех национальностей в нынешней действительности.

6. творите везде совместные международные комитеты в лагерях и других местах скопления политических беженцев всех национальностей; организуйте общие собрания, представления, увеселения, создавайте общие союзы молодежи, женщин, профессиональные союзы и т. п. для совместной защиты от общей опасности большевистских насилий.

За единство всех народов и их политических беженцев в общем антибольшевистском фронте! Долой все, что разъединяет народы и ослабляет атибольшевистский фронт!

„Международная организация беженцев"

ИРО

Мы не раз возвращались, на страницах наших изданий, к скорбной и трагической послевоенной проблеме изгоев восточной Европы. Не так давно мы сочли долгом подробно раскрыть нашим читателям смысл невероятного (к счастью, отмененного) циркуляра № 199 УНРР'а, касающегося насильственной репатриации. Ныне настало время остановиться на теоретической стороне вопроса безподданных, ибо пора полной неопределенности и полного произвола в этой области, как будто, подходит к концу.

Напомним, что проблема « перемещенных » — Ди Пи — прошла уже через две фазы и вступает в третью. После окончания войны, огромными массами Ди Пи (достигшими в то время чуть ли не 12 миллионов душ) ведали сами оккупационные военные власти. Союзникам казалось тогда, что проблема эта кратковременна и легкоразрешима, и что Ди Пи всех наций и всех категорий добровольно и с радостью двинуться в путь на Восток, за железный занавес, к своим очагам. Но дело оказалось гораздо сложнее. Значительная часть Ди Пи упорно оставалась на запад от красного чертополоха. Тогда военные власти передали заботу о них международной организации УНРР'а. Бесчисленные контрольные комиссии, в результате деятельности которых в Кемптене, в Дахау и в стольких других местах — пролилась невинная кровь бесподданных, и все другие меры, предпринятые западными демократиями, дабы ликвидировать проблему о Ди Пи в кратчайший срок, не дали желанных результатов. По официальным данным к маю настоящего года насчитывалось еще около 3-х миллионов Ди-Пи. Около миллиона из них являются наиболее обременительными, ибо нуждаются не только в правовой, но и в материальной поддержке. Но официальные

данные признают, что существует, помимо первой категории, еще другая, исчисляемая примерно в полтора миллиона душ. Люди этой второй категории ищут, якобы, только правовой и политической защиты. В первой группе есть одна, особенно ужасная цифра : 10.367 одиноких детей. Из всего этого явствует, что сбыть так просто с рук проблему о Ди-Ии невозможно. В силу этого УНРР'а вынуждена была продолжить свою деятельность. Сначала это учреждение должно было прекратить свою работу к 1 января 47 г.; затем этот фатальный срок был отнесен на 1 июля.

Чем же вызвана эта неуверенность, конвульсивный характер оказания помощи Ди Пи? И почему из года в год дамоклов меч полнейшей неуверенности в завтрашнем дне продолжает нависать над всеми этими морально истерзанными людьми?

Надо из чувства справедливости отметить, что ответственность за это положение бесподданных не лежит полностью на «Великих Демократиях ». Надо отметить, что неистовые самоуправства, сопровождавшие насильственную репатриацию, массовые самоубийства и бегство, куда глаза глядят, предназначенных к отправке жертв привели к тому, что в Лондоне, Нью-Иорке, Париже и Женеве начали догадываться, что с массовой « добровольной » репатриацией что-то, как-будто, идет не совсем ладно, и что дело это, все-таки, требует более глубокого изучения. Надо отметить, наконец, что Демократии, несомненно нашли бы более гуманное и культурное разрешение сложной проблемы бесподданных, если бы это зависело от них одних. Но тут-то как раз и выступила на сцену советская забота о человеке. Напомним об этом в хронологическом порядке. 16 февраля 46 г. общее собрание Объед. Наций признало срочный, международный характер проблемы Ди-Пи и беженцев и поручило своему экономическому и социальному Совету образовать специальный подготовительный Комитет и его проэкт срочно провести через органы Объед. Наций и представить следующему Общему Собранию. Экон. и Соц. Совет принялся за работу; и в сентябре 46 г. представил весь собранный им по этому делу материал в Третий Комитет Объед. Наций. Третий Комитет, после долгих и жарких прений, принял проэкт (18 голосами против 5, при 5 воздержавшихся), и представил его в высшую инстанцию — Общее Собрание. Это произошло в декабре. В разнобое, происшедшем на лоне Третьяго Комитета, мы обязаны позиции, занятой Вышинским. 6-го ноября он произнес в Третьем Комитете речь, продолжавшуюся более часа. Он предлагал ограничить организацию помощи Ди Пи задачею одной репатриации, отвергнув две другие задачи, включенные в проэкт Комитета, а именно : устройство беженцев в местах их нахождения и переселение их в новые страны. Он всячески добивался также производства чистки среди бесподданных в целях отметания тех, « кто присасывается к телу беженцев с нечистыми целями и, пролезая в их ряды, вредит и мешает делу возвращения на родину ». Далее Вышинский требовал исключения из числа опекаемых беженцев не только « изменников, квислингов и преступников войны », но и тех, чья помощь неприятелю носила « гуманитарный и не-военный характер », например, весь врачебный и краснокрестный персонал в зонах оккупации.

Вышинского слушали не очень внимательно, как указывает результат голосований. Но все-же, в какой-то мере, Вышинский своего достиг в том смысле, что ему удалось сузить предполагавшуюся первоначально помощь бесподданным. Поэтому доклад Третьяго Комитета принужден был признать, что окончательный проэкт « далек от совершенства, представляя собою попытку примирить две борющихся точки зрения ».

Вот этот узкий, компромисный проэкт международной иомощи бесподданным и попал на обсуждение Общего Собрания Объед. Нац. в декабре 46 г. Разумеется, представители Москвы сразу-же пошли на штурм, чтобы свести на нет все то положительное, что в компромиссном проэкте еще сохранилось. После новых демагогических выходок Громыко (ему принадлежит гаденькая мысль о о том, что переселение бесподданных диктуется желанием получить дешевую рабочую силу) Общее Собрание Об. Нац. все-таки приняло проэкт 30-ю голосами против 5-ти (СССР, Украина, Белоруссия, Польша и Югославия) при 18 воздержавшихся. В таких нелегких условиях началось рождение нового организма, получившего название « Международная Организация Беженцев » (International Refuge Organisation), а в сокращенном виде И. Р. О. Соответственно громадности проблем, которые должны лечь на плечи этому организму, огромны и финансовые потребности для их осуществления. Бюджет, необходимый для И Р. О. на один только год его деятельности, составляет 150 миллионов долларов или 18 миллиардов франц. франков. Структура этого бюджета интересна, 5 милл. дол. должны пойти на администрацию; 150 — на содержание бесподданных; 5 — на их переселение (для этого последнего дела предполагалось первоначально определить не 5, а 60 миллионов; но на первый год такие планы оказались преждевременными).

Для того, чтобы И. Р. О. начало бы свое фактическое существование и для приведения в действие всего аппарата нужны подписи пятнадцати государств — членов Объед. Наций. Без этих пятнадцати подписей вообще ничего не может быть сделано и существование И. Р. О. останется в области теории. Три четверти нужных для деятельности И. Р. О. фондов должны быть представлены этими же пятнадцатью государствами. При этом уже выяснилось, что 46% требуемого бюджета будут обеспечены взносами Соед. Шт., а 15% — взносами Англии. Оставалось найти остальные тринадцать государств с гарантированными взносами. Сначала подписи шли туго. И еще не так давно соответствующая пресса злорадствовала, что из дела ничего не выйдет. Но за последнее время дело вдруг наладилось. Присоединился Китай с крупным взносом. Двенадцать других государств, в том числе и Франция, тоже дали свои подписи и обязались делать ежегодные взносы, но с оговоркою о необходимости законодательного утверждения в своих парламентах. И к 25 мая выяснилось окончательно, что необходимые пятнадцать государств имеются. С этого момента явились поэтому основания полагать, что И. Р. О. окончательно родится для своей практической деятельности к тому моменту, когда УНРР'а закроется. Для того, чтобы этот переход произошел бы елико возможно безболезненно, между этими международными организациями был брошен временный мостик. В феврале этого года (вслед за утверждением хартии И. Р. О. Объед. Нац.) получил бытие Временный Подгот. Комитет, для возникновения которого было достаточно подписей восьми, а не пятнадцати государств. Комитет этот расположился пока в Женеве. Руководит им американец Альтмейер. Участвует в этом организме д-р Кульман, уже давно имеющий касательство к проблемам международной помощи. Альтмейер получил некоторый аванс от Объединенных Наций, и, благодаря этому, Временный Комитет взял на себя также некоторые исполнительные функции. Комитет активно работает над многосложной задачей — подготовкой окончательной структуры И. Р. О. Она будет состоять из следующих органов : 1) Генеральный Совет, иначе говоря, ежегодный съезд государств — членов И. Р. О., 2) Исполнительный Комитет, избираемый Генеральным Советом, 3) Секретариат, руко-

водимый Генер. Директором И. Р. О. Организация и все ее органы будут функционировать в Париже.

Итак И. Р. О. будет представлять собой международный организм, имеющий отдельную, сложную сеть органов. Прототипом И. Р. О. является в известной мере старый Нансеновский Комитет русских беженцев, но насколько сложнее и грандиознее будет И. Р. О. по сравнению с ее предшественниками. Главные две организации, которые И. Р. О. должно заменить, это : с одной стороны **УНРР'у** (кормившую доселе миллион беженцев последней войны) и **Междуправительственный Комитет** (функционирующий в Лондоне и дающий правовую защиту некоторым категориям « старых » беженцев). Парижское отделение этого междуправительственного Комитета, включающее в себя Русский Оффис, хорошо всем русским известно. Таковы «рамки » И. Р. О. так, как они намечаются ныне.

Теперь какия задачи ставит себе новая международная организация беженцев? Нужно отметить, во-первых, что все рассуждения, которые легли в основу подготовки хартии И. Р. О., имели в виду **гуманитарную помощь** изгоям Вост. Европы. Это очень невыгодно отразилось на содержании принятых постановлений, оставляющих вне регламентации существо правового и политического положения миллионов людей. А между тем, И. Р. О. придется, несомненно, дольше всего заниматься именно **правовым** устроением своих бесправных опекаемых (подобно тому, как и до сих пор, 30 лет после исхода старой эмиграции, именно такая помощь, главным образом, требуется от старых беженских оффисов). В статье 2 задачи и компетенция хартии И. Р. О. так перечисляет полный список своих задач. : 1) репатриация, 2) регистрация и идентификация, 3) поддержка и помощь, 4) правовое и политическое покровительство, 5) перевозка и 6) устройство на местах и переселение в новые страны.

Далее в очень длинном и старательном пункте намечаются методы репатриации (пункт А); покороче говорится о расселении и переселении нерепатриируемых (пункт В) и, по предложению Югославии, прибавлен политический соус (в виде пункта С), специально рекомендующий помогать « испанским республиканцам в их временном устройстве, впредь до установления в Испании республиканского режима ».

Из этого достаточно явствует, что для того, чтобы вообще иметь право появиться на свет Божий, И. Р. О. под непрерывным давлением советских делегатов должно было идти на компромиссные решения. Перечисления различных рубрик людей, подходящих под понятие « беженец », опять-таки носит тот-же политический привкус. В первую очередь выделены « жертвы фашистского режима » и пресловутые « испанские республиканцы » и, конечно, нет ни слова о жертвах советского строя. Правда, указано, что подлежат опеке И. Р. О. лица, которые не хотят или не могут пользоваться покровительством своего государства. Но эта формула скоро ограничивается: «...ежели они выразили **обоснованные возражения**, основанные на страхе преследования по расовым, религиозным, национальным и политическим поводам, а также возражения **политического характера**, признанные со стороны И. Р. О. за обоснованные ». Какое обширное поле для сомнений, споров и политической борьбы представляет эта формула для определения судьбы отдельных живых людей.

Некоторые элементы, подлежащие « отсеиванию », заранее указаны в хартии И. Р. О., и в этих определениях отчетливо сказывается, еще не изживший дух политической расправы. Среди

очень разнообразных категорий лиц, лишаемых помощи И. Р. О., фигурируют пособники пропаганды невозвращения на родину, а также « преступники войны », квислинги и изменники. Не трудно догадаться, что советы под этим термином подразумевают совсем иное, чем Демократии, и что, в глазах Москвы « изменниками и квислингами » являются вообще все люди, желающие жить на свободе и вне опеки НКВД И эти, ставшие прямо трагичными, выражения, отчеканенные и вместе с тем совершенно неопределенные, повторены к сожалению, несколько раз в хартии. Как бы для вящей крепости, самое начало хартии, а именно общая революция 12 февраля 46 г., открыто санкционирует этот принцип, указывая, что деятельность И. Р. О. никак не должна противоречить выдаче и наказанию преступников войны, квислингов и изменников.

Если придать этим туманным формулам их советский смысл, то становится ясным, что хартия И. Р. О. может, в конечном счете, явиться ничем иным, как непоправимым расширением и обобщением Ялтинских договоров, впервые, в истории демократического человечества, открыто покусившихся на элементарные права человеческой личности и на право политического убежища.

Но не будем торопиться с подобными заключениями, памятуя твердо, что на лоне международных демократических учреждений большевики далеко не являются полными хозяевами. С тревогой отмечая явные недостатки хартии И. Р. О., нельзя не подчеркнуть и другое. Нельзя не сказать, что отрадным является уже сам по себе факт, что коллектив свободных народов, преодолев большевицкий саботаж, признал эмигрантскую проблему **международным делом** и отказался принять за единственную основу ее разрешения принцип **принудительности**.

Есть поэтому основания надеяться, что демократически настроенные, свободные люди, которые станут во главе Международного организма беженцев, столкнувшись с трагической действительностью и с подлинным и нуждами изгоев Вост. Европы, сумеют отказаться от политической, навеянной Москвою, фальши и наполнят соответственным, конкретным содержанием « несовершенные рамки » хартии И. Р. О.

Ф. — Ст.

Отклики

ПРЕДЕЛ ОБЪЕДИНЕНИЯ.

Со стороны представителей новой эмиграции к нам идут призывы к объединению. Этот вопрос в широком масштабе поднял и возобновившийся в Бельгии « Часовой », именующий себя несколько широковещательно « органом связи российского национального движения ». Современная общественная позиция « Часового », прежде бывшего только « органом русской военной эмиграции », довольно отчетливо определяется перепечаткой известного письма А. Ф. Керенского в редакцию « Соц. Вестника » (« После победы » — см. наш 8-ой сборник). В редакционной статье « Часовой » пишет : « В той части эмиграции, которая нам дорога своей непримиримостью, большевики совершили чудо. Они объединили в одну **идеологическую** (курс. наш) группу людей самых разнообразных политических взглядов. Произошло то, о чем наш журнал мечтал долгие годы перед войной, проповедуя «общий фронт от монархистов до Керенского ». Такой общий фронт уже создан : и « Россия » и « Соц. Вестник » в Нью-Иорке, и «Невав. Слово» и «Русская Мысль» в Па-

риже, и наш скромный журнал служат одной и той же цели, борются за одно и то же, за Россию, за ее Национальную честь, за ее Свободу. Какие могут быть сейчас разногласия между нами, когда наша родина и весь мир стоят перед страшной угрозой торжества большевизма? »

Постановка, которую придала редакция « Часового » жгучему вопросу нашей эмигрантской современности, влечет нас в область несбыточных утопий, всегда вредных в реальной политике. «Россия» и « Социалистический Вестник »! Да, «Россия » ярко антибольшевицкая газета. Но этого мало для объединения даже тактического. В наших условиях вне мировой демократии мы никакой помощи России оказать не можем. Следовательно, мы должны выработать какую-то конкретную демократическую платформу, на которой эмигранты разных идеологий и политических взглядов могли бы временно согласиться для общего действия. Так ставит вопрос вышенапечатанная статья «советского» профессора. Такова именно позиция наших изданий, и мы можем с некоторым удовлетворением отметить, что удалось впервые за все время существования эмиграции создать широкий литературно-политический фронт от Далина до Тырковой. *) Медленно, но мы подходим и к выработке необходимой идейной базы. Возможно ли на ней соединить все антибольшевицкие элементы? Конечно, нет, и бесплодно заниматься этим.

Мы готовы приветствовать, когда опубликованная « Россией » (3 апреля) « русская национально-народная освободительная программа — минимум » заявляет о полном « отказе от всех партийных, сословных и цензовых преимуществ », требует раскрепощения трудящихся и предоставляет им право участия в эксплоатации промышленных предприятий на « частно-владельческом » и «кооперативно-паевом » принципе; говорит о передаче **всей** земли на правах частной собственности крестьянству. « Свободная, правовая и народная Россия », в представлении авторов программы, должна строиться « для всех без исключения народов России независимо от их религиозных, расовых и национально-бытовых особенностей ». Правая эмиграция многому научилась и многое поняла. Очевидно, призраки прошлого, которыми не так давно устрашала Кускова (См. «Отклики» в № 8-ом), в действительности не такое уже пугало! И за всем тем мы попадаем в психологический тупик, из которого трудно выбраться на прямую дорогу. « Россия » — орган, чрезмерно склонный к крикливым обобщающим лозунгам, заимствованным из дореволюционного прошлого. Чего стоит одна « программа-минимум », предъявляющая требования к подъяремной России «немедленно » (!) взять верховную власть в свои руки для « установления русского государственного строя, в полном соответствии с волей народа и историческими формами бытия России ». Нью-иоркская газета не раскрывает в полном объеме своих вожделений, но в одной из газет, издававшейся единомышленниками « России » в американской оккупационной зоне Германии, мы могли черным по белому прочитать, что единственным спасением для нашей страны является триединая формула : православие, самодержавие и народность. Вос-

---

*) По этому поводу мы получили от одного из видных общественных деятелей такие строки : « Я был очень рад узнать, что Вам удалось установить такую тесную связь с нашими американскими меньшевиками, что они согласились участвовать в сборниках. Слава Богу, наконец-то у нас на тридцатом году большевизма образовалась фактическая коалиция всех анти-большевиков, независимо от их партийных ярлыков ».

становление архаического для нашего времени уваровского знамени эпохи Николая I — это уже политическое кликушество, наносящее прямой вред организации борьбы с большевицкой властью и дискредитирующее целесообразность такой борьбы. Спрашивается, как может реально мыслящий политик, сторонник самого широкого политического объединения в эмиграции, «идеологически» сцепить «Социалистический Вестник» с «Россией», газетой довольно примитивного мышления, которая называет российский меньшевизм только «надоевшим всем хуже горькой редьки социалистическим балаганом», для которой (в статье Мельникова) февральская революция совершена «группой сверхестественных болванов, каких не знала еще человеческая история, и кроме того больших подлецов«!?...

Есть и другой водораздел, который не прейдешь. Мы не способны увлекаться словесностью «исторических», исконно-русских, православных, народных начал». О «Святой Руси» теперь пишут все — вплоть до Эренбурга. О ней много говорили и те, кто во время войны идейно пошли за немецким фюрером и договаривались даже до абсурдного утверждения, что Великая Россия создана не русским народом, а царями из германской династии. С последователями таких патриотических высказываний нам решительно не по дороге. Никогда и ни при каких условиях на этой почве не произойдет объединения для общей борьбы с большевиками. Пусть фронт наш будет более узким, но более крепким своей внутренней спаянностью.

ВСПОМНИТЕ КРЫЛОВА...

Нам приходилось не раз отмечать малодостойное старание «Русских Новостей» угодить своим новым московским господам разоблачением достаточно известных былых выступлений в эмиграции «русских пособников немцев», как выражается газета. И уже совсем не умно говорить в наше время о «коллаборантах», поднявших голову «в надежде на попутный ветер». Все это уже мохом поросло.

При воспоминаниях о выступлении митр. Анастасия, с которых начала свои разоблачения советская газета, — о выступлении с восхвалением Гитлера, как «вождя в мировой борьбе за мир и правду», и высказыванием наивных ожиданий такого же русского водителя для воскрешения родины, объективный судья должен будет подчеркнуть, что подобные слова были признесены в 38 году, т. е. до войны, в связи с освящением православного соборного храма в Берлине. Можно было с резким осуждением отнестись к последующей недостаточно продуманной политической позиции части зарубежного генералитета, которая уверовала в то, что «Германская Армия будет бороться не с Россией, а с овладевшей ею и губящей ее коммунистической властью Совета Нар. Ком.», и все-таки нельзя будет забыть, что эти русские «военные изгнанники» делали ставку на настроения в широких народных массах своей родины и мечтали только о процветании в результате борьбы «Национальной России» — так говорят документы, опубликованные современными разоблачителями.

Эти «коллоборанты» никогда не отделывали национальные хоругви «на манер прусского штандарта», как в свое время выразился Герцен.

Но в доме повешенного вообще о веревке не говорят... Надо обладать большой дозой политического цинизма для того, чтобы возмущаться «кощунственными» молебнами, которые служили «национально мыслящие эмигранты» по поводу «освобождения» немцами «русской земли», в то время, как эти кощунства совершал

Митр. Серафим и "красные дьяволы"

ВОЗВАНІЕ.

Вѣрные сыны Россіи.

Пробилъ часъ освобожденія нашей многострадальной, дорогой Родины отъ власти богоборцевъ.

Вождь Германскаго народа, канцлеръ Хитлеръ объявилъ крестовый походъ противъ поработителей Россіи. Началась страшная, рѣшительная борба съ красными дьяволами. Открылась священная война со злѣйшими врагами Русскаго народа и всего человѣчества. За вождемъ Германскаго народа пошли въ бой съ міровыми злодѣями многіе народы Европы. Россія наканунѣ освобожденія и возвращенія къ новой лучшей жизни, къ свѣту, къ славѣ, къ величію.

Да будетъ благословенъ день и часъ, когда началась великая, славная война съ III интернаціоналомъ.

Да благословитъ Всевышній великаго Вождя Германскаго народа, поднявшаго мечъ на враговъ Самого Бога.

Да погибнетъ дьявольская шайка злодѣевъ, распявшая Россію.

Да исчезнутъ съ лица земли масонская звѣзда, серпъ и молотъ.

Да возсіяетъ на родной Землѣ и во всей Вселенной Крестъ Христовъ.

Да воскреснетъ Богъ и да расточатся враги Его.

Именемъ Божіимъ, Крестомъ Христовымъ благословляю всѣхъ борцовъ за освобожденіе Россіи, за ея грядущую славу и величіе

Съ нами Богъ!

Призываю всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи на великій, славный, ратный подвигъ за вѣру, Родину, за Святую Русь, за Домъ Богородицы, за нашъ Священный Кремль въ Москвѣ, за русскихъ Угодниковъ.

Встанемъ всѣ дружно, какъ одинъ человѣкъ на честный, ратный бой съ краснымъ діаволомъ. Прекратимъ всѣ наши распри и раздоры. Объединимся всѣ въ священной борьбѣ за правду Божію, за спасеніе Родины, за благо человѣчества.

Прочь колебанія, сомнѣнія, трусость. «Дерзайте, дерзайте люди Божіи, ибо Богъ побѣдитъ враговъ, такъ какъ Онъ всесиленъ»

Святой Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій, Великій Князь Димитрій Донской, Святѣйшій Патріархъ Гермогенъ и всѣ наши Угодники и молитвенники за Русскую Землю да благославятъ нашу священную войну съ слугами сатаны.

Да здравствуетъ Великая Національная Россія.

Митрополитъ СЕРАФИМЪ.

**22 іюня — День всѣхъ Святыхъ, въ Землѣ Русской просіявшихъ
1941 года. ПАРИЖЪ**

никто иной, как теперешний зарубежный фаворит « коммунистической » власти — карловацкий митрополит Серафим, скинувший гитлеровские одеяния и надевший большевицкую тогу. Это чувство элементарной духовной честности презрел подчиненный экзарха московского патриарха прот. Бельский в слове, произнесенном в Трехсвятительском подворье на панихиде 22 июня по отдавшим « свою жизнь на поле брани, в лагерях и тюрьмах в качестве искупительной жертвы за грехи эмиграции». И тем не менее « Русск. Нов. » не постеснялись отличить в своем отчете жирным шрифтом бесстыдные слова церковного служителя.

Отвратно было читать, а между тем для органа, зараженного ныне « советской моралью », (припомним, как недавно, в годовщину пресловутого « исторического акта » 14 июня, ее охарактеризовал ген. консул СССР в Париже Абрамов — честность, мужество, самоотвержение, скромность, презрение к угодничеству и низкопоклонству) логично было бы обратить внимание именно на тех « русских немцев », которые заполняют ныне ряды « советских патриотов ». Ведь звание « советского гражданина » должно стоять « высоко »!Мы недавно разоблачили такого перевертня в лице ген. Постовского, признававшего « варягов » тевтонской расы, а затем сделавшегося самым ярым поклонником « варягов » большевицкого происхождения. Мы были вынуждены сделать это в ответ на инсинуации советских органов печати. Нас отнюдь не прельщают такие изобличения. Теперь нам доставлен список мужественных людей, перевоплотившихся из немецких « коллаборантов » в « сентябрьских резистантов », а потом в « советских патриотов ». Нет, доносить на « маленьких людей », поспешивших укрыться мимикрией советских паспортов, мы не будем. Но почему молчат « Русские Новости » при своем свыше подогреваемом пафосе благородного « патриотического » негодования? Они безмолвно проглотили весьма горькую пилюлю, поднесенную нами, с характеристикой одного из вождей современных « национально-мыслящих», вышедших из их среды.

Действительно, свободная, независимая газета!

« ЖДАНОВСКАЯ ЧИСТКА ».

Так утверждает в нью-иоркском « Н. Р. Сл. » живущая в Швейцарии Е. Д. Кускова по поводу решения, принятого в Париже Союзом Русских Писателей по вопросу о размежевании журналистов эмигрантов с теми, кто взял советский паспорт. По мнению писательницы, « иного заглавия тому, что произошло 24 мая, быть не может ». Оказывается, мы заразились советскими методами насилия: « вычистить », «выгнать », «не допустить». Сильные слова, абсолютно не имеющие никакого отношения к тому, что происходило в парижской обстановке. Мы, значительная часть парижских **эмигрантов**, не желаем быть в одном литературном сообществе с теми, кто сменил свои политические вехи и сделался советскими гражданами; они, **« перелеты »**, переставшие быть эмигрантами, желают во что бы то ни стало оставаться в нашем общем профессиональном объединении. Вывод один — насильно нас все-таки сцепить нельзя. Они не уйдут, мы будем вынуждены уйти из союза писателей, который мы всегда по праву считали и считаем организацией эмигрантской, а не только объединением людей, пишущих на русском языке.

Дело идет о литературной чести и общественной морали и поэтому при обсуждении вопроса не должно быть места для балагурства, которому с напускной наивостью предается Кускова, проводя паралелль с некими «галлиполийскими дамами», кокетничающими с «советскими офицерами в шикарных мундирах » и легко аклима-

тизировавшимися в новой обстановке Чехии, где « просто нельзя не взять советского паспорта ». Неуместная юмористика простирается и дальше, и Кускова пытается уверить своих читателей, что наша мысль, доведенная до ее логического конца, неизбежно приводит к утверждению, что с эмиграцией несовместима вообще вся современная Россия, где все обязаны иметь советские паспорта. Не серьезно то, что пишет Е. Д. Кускова. В свободной обстановке Парижа к стану « мучителей » добровольно приписываются те наши собратья по перу, которые при всей своей профессиональной аполитичности некогда обращались « ко всему культурному миру », — « к мировой совести », с протестом против достигшей предела тирании большевицкой власти (воззвание 33 года). Для нас за пятнадцать лет политически ничто не изменилось, и понятно, что мы не хотим с теми, кого считаем изменившими своей эмигрантской присяге, участвовать впредь в одном общественном деле. В соответствии с литературными традициями Е. Д. Кускова готова согласиться, что советские граждане, не признающие свободы слова, должны уйти из союза. В чем же тогда дело? А в том, что п. 125 советской конституции утверждает эту свободу и, следовательно, нет формального основания для « чистки »! Что, однако, остается от этой по существу никчемной казуистики после того, как узнаем, что ее творцу самому «становится тошно» от «отвратительной пропаганды» в здешних просоветских газетах. Как всегда, противоречия нашей писательницы свели ее аргументы и грозные филиппики на нет.

Можно отбросить нудные споры о паспортах, бесплодные разговоры о профессиональной аполитичности и пр. и еще раз отдать себе отчет в том, что между ушедшими в советский стан и нами нет уже ничего общего. Отсюда не вытекает, что мы чужды русским людям — « советским » по формальному паспортному признаку. Наоборот, жизнь показала в последнее время, благодаря массовому « невозвращенчеству », как близки не примиряющиеся с большевизмом эмигранты народным умонастроениям в СССР. Новая и старая эмиграция крепко будут спаяны в одно монолитное целое, если в зарубежной жизни будут устранены все обманные фикции.

ЧРЕЗМЕРНЫЙ ПУРИТАНИЗМ.

Христианские синдикалисты из парижской «Русской Мысли» отнесли напечатанный в нашем десятом сборнике очерк Ольшевского «Московские похождения т. Коваленко» к числу «фарсов с раздеванием», вряд ли служащих «к украшению серьезного сборника».

Нравоучение, прочитанное нам В. З., едва ли уместно. Мы готовы признать, что одну фразу для соблюдения старых традиций несколько чопорной литературной корректности можно было бы в тексте Ольшевского, пожалуй, исключить и что от этого изъятия выпуклость изложения не пострадала бы. Но шокированные моралисты из «Р. М.», очевидно, совершенно не усвоили всей реальности и остроты художественной сатиры молодого польского писателя, сумевшего в редко выдержанной форме (и по содержанию и по стилю в духе писания ныне гонимого Зощенко) представить на основании своих тюремных наблюдений и записей в одном из сибирских «лагерей смерти» весьма оригинальный, чтобы не сказать дикий, общественный быт, который создается большевицкой властью.

Попытка стилистически причесать текст не только чрезвычайно ослабила бы впечатление от данного автором изображения советской действительности, но и прямым образом исказила бы ее: из песни, даже плохой, слов, действительно, не выкинешь.. **С. М.**

Новая академия

(Фельетон).

Теперь это уже не секрет и я могу рассказать все публично. Вот уже три месяца, как у нас шли совещания. Наконец все решено и подготовлено, и на днях мы откроемся!

Дело в том, что авторитетные лица возложили на меня поручение — спасти эмиграцию. Меня это нисколько не затруднило : во мне всегда было что то пророческое и те идейные прививки, которые я получил еще в детстве от Симона Волхва и Пьера Жозефа Прудона, давно уже волновали всех моих знакомых... Для меня вообще нет затруднений, и когда я прохожу через умственный департамент,— просто землетрясение, все вопросы дрожат и трясутся, как лист. Моего пророческого звания долго не понимали и меня не ценили. Но теперь все исправилось. Вот на днях, например, меня выбрали — Почетным Членом Африканского Союза Престарелых Колдунов, а также Почетным Вице-Президентом Центрального Биробиджанского Главбума. Знатоки говорят, что теперь уж пойдет дело. Но это не важно.

Итак мне поручили спасать эмиграцию. Я ответил, что ее надо перевоспитать, отучить ее от всяких традиций, идей, приверженностей и других предрассудков и приучить ее к новому, атомбомбному мышлению, из которого выросли все мои произведения. Вот для этого я и открываю на днях (конечно в Париже) « Академию Новой Культуры ». Целый ряд блестящих преподавателей — с именем, с двумя именами, с тремя, с псевдонимами (но какими!), с анонимами и омонимами. В общем — пле-яда! Участвуют : Я!.. Потом, кроме меня : П. Верховенский, Шигалев, Свидригайлов, Тюрьмосесов, Тов. Комендантов, Тов. Помучкота, Тов. Замкомпоморде, Профессор Диамат-Продан, и, наконец, сама Товарищ Уборщица. Средствами нас обеспечели. Курс — полугодовой. Занятия идут день и ночь. Днем — теоретические курсы. Ночью — практические занятия. Потом — экзамен и непременно активное поручение (чтобы не было белоручек!). И человек готов в сотрудники. Наиболее способные будут сдавать на Инструктора, а самые способные — Деструктора. Через неделю мы наводним город объявлениями. А пока скажу только о программе.

Вот теоретические предметы.

1. « Учение о единорожденном гениальном вожде и полководце » (с отрывками из книги Данте о Монархии).

2. « Статистика буржуазная (счет) и статистика новая, патриотическая (предписание) ». Директивы И. А. Крылова: «чем кумушек считать трудиться »... и « когда бы **вверх** могла поднять ты рыло »....

3. « Учение о наиболее дешевой рабочей силе (теория и практика Гулага) ». « Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь! » — из так называемого « свящписания ».

4. « Основы новейшей дипломатии ». Приветливость вождей и вооружение народов. Дипломатия кабинетная и подземно-закоулочная. Оккупация, подкупация, репарация, увозиция. Открытые проволочки и секретные проволочки. Урожай, угрожай, нагружай, разгружай. Въезд без визы, пребывание без визитов. Пункты спорные и опорные. Продажа валюты и покупка секретов. Ликвидация неудобных и размножение двуутробных. Откладывание яиц и поднесение камуфлетов.

5. « Религия, как временно разрешаемый опиум для народа ». Директива : « падши ниц, поклонись ! »

6. « Этика новой культуры ». Директива — долой предрассудки!

Вот программа моей новой Академии. Вот дверь, открытая в царство новой культуры! Вот путь для спасения эмиграции от всяких несвоевременных идеалов, от ненужных идей, от религиозных суеверий, от национальных пристрастий, от безгосударственности, беспаспортности, безработицы и от прозябания в одной и той же стране! Ей широко открываются двери к счастью и демократии нового, истинного типа. Какие горизонты! Новые знания, новые умения, новые права... И только глупцы, буржуазные реакционеры и рабы моральных предрассудков — не захотят принять с радостью эти дары. Но они скоро вымрут — и тогда наступит наша пора.

Именно для преодоления этих моральных предрассудков я сам открою и поведу курс «Этики новой культуры ». Вот его краткая программа.

Я выбрал к нему эпиграфом слова из замечательного, пророческого стихотворения Федора Соллогуба : « Тебя, отец мой, я прославлю в укор неправедному дню, хулу над миром я восставлю, и, соблазняя, соблазню »...

Итак — мои тезисы.

1. Предрассудок первый : **добро и зло.** Способность различать их присуща единому богу и не присуща человеку. То, что человек принимает за зло, всегда может оказаться добром. Поэтому мы должны всматриваться в зло до тех пор, пока у нас перед глазами не поплывет, и нам не почудится, что оно есть добро. В этом высшая мудрость, завещенная нам Симоном Волхвом и достойно развитая в наши дни мною и Мерковским. Никаких так называемых « злодеев » на свете нет : стоит только предложить человеку папиросу, рюмку коньяку (в крайнем случае — бутылку!) или же валюту, и вот он уже улыбается ! Это — лучший способ засыпать все рвы, прекратить гражданскую войну и закончить позорную эмигрантщину.

2. Предрассудок второй : **правда и ложь.** Правды никто не знает (это доказано всеми великими философами). Следовательно, мы все обречены на ложь и должны с этим примириться. Даже у Пушкина сказано: «врите, врите, бесенята!» и это надо отнести ко всему роду человеческому. Глупо протестовать против лжи, наоборот, умный человек давно сказал — «не любо, не слушай!» Поэтому никто не имеет права обличать во лжи другого. А бывает и так, что ложь становится настоящим подвигом (например, когда это выгодно какому нибудь коллективу, — шайке разбойников, детопокупателям, торговцам девушками или клубу мировых ассасинов).

3. Предрассудок третий : **свобода и принуждение.** Принуждение вообще невозможно, его не бывает, потому что у человека всегда остается возможность наложить на себя руки и таким способом уйти от принуждения. Если он этого не делает, значит, он согласен на принуждение, и никакого принуждения нет. « Воленти нон фит инюрия ». Поэтому человек всегда свободен, и в тюрьме, и за проволокой. Принудить можно только того, кто на это соглашается. Поэтому советский строй есть царство истинной свободы. И у Пушкина сказано : « к чему стадам дары свободы? » Никто не имеет права лишать русский народ права соглашаться на так называемое принуждение. Всякая контрреволюционная или международная-военная интервенция была бы преступлением против истинной свободы.

4. Предрассудок четвертый : **убийство.** Убийство вообще недо-

пустимо : кто казнит уголовного преступника, или революционера или совершает террористический акт против героя (Дора Каплан), тот враг народа. Но это не относится к тому сорту людей, которые против прогресса : вечные реакционеры, профессиональные оппозиционеры и т. п. Сократить их жизнь, насыщенную недовольством, есть даже дело гуманности, зачем же им так долго страдать? Пусть себе уходят из жизни, отработав, что нужно, государству! Это и есть гуманная практика Гулага.

5. Предрассудок пятый : **личная самостоятельность и самодеятельность.** Современная биология в лице Эйнштейна и Академика Подлизухина доказала, что личность есть сплошной предрассудок, недоразумение, — даже не единство, а относительный конгломерат относительных сил, относительных клеток и относительных бактерий. Поэтому свобода личности есть вредный фантом и буржуазный предрассудок. В этом — мистическая ложь буржуазного строя и метафизическая правда коллективизма, который создает великий относительный конгломерат из относительных конгломератов, таинственную машину машин (по формуле Академиков Припадаева и Плюньмневротова). Это и есть новая культура.

6. Предрассудок шестой : **Счастье и несчастье.** Счастья вообще нет, и нечего его добиваться. Все люди все равно всегда несчастны. Поэтому и государство совсем не призвано делать людей счастливыми. Несчастнее же всех — государственные правители : их необходимо прямо компенсировать усиленным продовольствием и удовольствием, беззапретностью, полигамией, балетами,туалетами и всяким сверхсметным ширпотребом. При этом им надо предоставить право делать других — счастливыми и несчастными в зависимости от того, как эти другие умеют припадать, изъявлять, возглашать и угождать. И у Пушкина читаем: «**пади, пади,** раздался крик! »

7. Предрассудок седьмой : **патриотизм и интернационализм.** Ни один патриот не сумел еще сказать, что такое ему так невероятно мило в его родине. Поэтому родина есть не более, чем иллюзия озябшего котенка. Патриотизм есть признак беспомощности, ограниченности, буржуазности, провинциализма, гордыни и эгоизма. Человечеству необходимо не народо-божие, а международобожие, спасение во вселенском всесмешении, в международном хлыстовском радении, в блаженстве всеобщего свального греха!

8. Предрассудок восьмой : **верность и измена.** На свете нет ничего неподвижного : как сказал Гераклит греческий — « все течет и меняется ». Поэтому верность вообще бессмысленна и невозможна: ты все еще родине верен, а она тем временем — вон как уже изменилась; чему же ты, глупец — верен? Высшая мудрость в том, чтобы самому непрерывно меняться и всегда всему изменять. Сегодня так, а завтра иначе. Так и в любви, смотри, напр., у Бунина « Темные Аллеи »; и поэт Буренин своевременно отметил : « Таковы любви измены : все в ней жаждут перемены — обезьяны, тигры, львы, я и он, она и вы». Так и в политике, — сегодня я белый, завтра красный, послезавтра каурый, а там — буланый, караковый, в яблоках, пегий, муругий, густопсовый или чистопсовый. Поэтому измена есть начало мудрости и храбрости. Недаром один эмигрантский богослов недавно целую книгу написал в защиту Иуды Предателя : это, говорит, наш русский святой, и мы должны ему молиться, мы тоже, говорит, все предатели...

Вот дверь в царство новой культуры! Вот путь спасения для эмиграции. И вот что отрадно : еще не опубликована программа, еще не расклеены афиши, а у меня уже ведется запись слушателей в Академию : идут черным ходом, боятся опоздать, кухарке моей

валюту суют, — « где здесь », говорят, « амнистию дают за соблазны », « обещают возврат через разврат », мы, говорят, « тоже хотим принять участие в ночных семинариях ». Кто то даже кота притащил : говорит, — « жертвую на черную мессу это породистое животное ». Ну на счет кота он соврал : я его освидетельствовал, просто на улице подобрал, такие нам не годятся.

А когда расклеим афиши, что тогда начнется? Нет, напрасно бранят эмиграцию! Она еще покажет себя...

Вася Белибердяев.

Трагедия и надежды нового эмигранта

(Письмо из Индокитая).

Радостно сознавать, что в моих надеждах и стремлениях я не так одинок, как мне это казалось в первое время моего пребывания во Франции. Честь и слава вам, старым русским эмигрантам, сохранившим чистоту благородной ненависти к большевизму и продолжающим энергичную борьбу с ним. Тяжел и труден избранный вами путь, но вы, я уверен, с честью выйдете изо всех затруднений в вашем великом походе за правду...

Искренне желаю Вам успеха в этом святом деле.

Поводом, толкнувшим меня взяться за перо, является желание поделиться некоторыми мыслями и пожеланиями о вашем журнале, о русских эмигрантах и их будущем. У меня много вопросов, которые меня беспокоят, и па которые я не нахожу ответа в вашем журнале. Впрочем, эти вопросы беспокоят также много « новых » русских эмигрантов, к которым я принадлежу и с которыми часто встречаюсь.

То, что вам пишу я, не является субъективными переживаниями одного лица. Это трагедия многих новых русских эмигрантов, несколько сот которых находятся здесь в таком же тяжелом положении, как и я. Все мы являемся ярыми и непримиримыми противниками большевизма, в борьбе против которого мы готовы отдать все. Это цель нашей жизни. Но мы поставлены в полное бездействие и невозможность посвятить себя, даже в самой незначительной степени, этому делу. Нас меньше всего беспокоит тяжесть материального положения, в котором мы находимся, к лишениям мы достаточно привыкли еще в « советском раю ». Не желание легкой и веселой жизни нас тянуло на Запад, а желание бороться против коммунизма за благо своего народа и перерождение своей Родины. Но, увы, мы лишены этой возможности. Впрочем, в аналогичном положении находятся и другие новые эмигранты в Западной Европе. Наше неурегулированное юридически положение мешает нам принять более или менее активное участие в анти-коммунистическом движении, да и вообще в нормальной, повседневной жизни страны.

Таково положение новой эмиграции. В старой эмиграции дело обстоит несколько иначе. Последних вы уже достаточно касались на страницах вашего журнала, правда несколько смягчая, по моему, в тонах. Те же из них, которые изменили русской эмиграции сознательно, то есть отдавали себе отчет в том, что такое коммунизм, и все таки пошли к нему из простых эгоистических соображений, являются самыми низкими предателями и должны пользоваться с нашей стороны самым глубоким презрением. Они много хуже тех

русских коммунистов, которые выросли и были воспитаны в Советской России и ничего не видели, кроме скудности советской жизни, много слышали о тяжести жизни в других странах, и которые еще больше уверовали в идол коммунизма, слыша и видя немецкие жестокости. Таковых коммунистов в СССР не мало, они работают искренне, считая, что, несмотря на все тяготы жизни, они идут верным шагом к светлой и счастливой жизни. Люди такого сорта являются ненадежными кадрами для большевиков и изменят им при первом более глубоком столкновении с иным строем и станут защищать последний с таким же упорством и вдохновением, с которым они защищают большевиков. Такие люди не забудут то, что забыли многие старые эмигранты. Среди них вы найдете много верных соратников и хороших работников, быть может, не так высоко стоящих интеллектуально, как старые.

Я уверен, что имеется, несмотря ни на что, достаточно сил, чтобы приступить к сформированию спаянной партии (группы), которая явилась бы связующим звеном между всеми русскими активными антикоммунистами во всем мире. После окончания второй мировой войны момент был неблагоприятен для создания таковой по различным причинам, но с изменением политической ситуации этот вопрос становится все более наболевшим, и наши возможности увеличиваются. Почему бы и вам на страницах вашего журнала не заговорить о создании русского антикоммунистического блока. Если вам удастся сейчас создать маленький сплоченный центр, то, по мере роста мирового антикоммунистического движения, можно будет расширять его деятельность, выдвигать более смелые лозунги. Надо — надо что-то предпринять, дерзать, искать и найти выход из положения.

Ваш журнал популярен и пользуется большим уважением. Бросьте клич с его страниц, и вам ответят многие тысячи русских.

Трудности. Конечно, они велики, многочисленны и коварны методы борьбы большевиков с нами. Но все эти трудности необходимо преодолеть.

Вам нужны средства. Русская эмиграция не имеет экономической базы — в этом ее горе и слабость. Объясните в вашем журнале подробно о необходимости помочь вам, и тысячи людей пошлют все, что будет в их силах. Возможности у нас не велики, но всеобщими усилиями можно создать небольшой фонд, достаточный для начала нашей работы.

Надо показать всему миру, что мы здесь и представляем из себя силу. Если мы не будем сплочены, сильны и авторитетны, если с нами не будут считаться и будут отождествлять русское с большевистским, Россию может постигнуть печальная участь побежденной Германии.

В этом - то и задача : постараться показать антагонизм между русским народом и большевизмом, разъяснить, что соотношение внутренних сил в России совсем не то, что в предвоенной Германии, и придать грядущей борьбе лозунг борьбы за освобождение всех народов, в том числе и русского, от большевицкой опасности.

Л.

Голоса читателей

ПРАВДА О РОДИНЕ.

Мы увидали другой мир. И он абсолютно не страшный, как долбили нам там об этом в головы! Увидали жизнь, по сравнению с которой жизнь « самого счастливого человека в мире » — ужаснейшее рабство.

Что дала нам власть? — Потрясающий голод 1920-22 и 1932-33 гг., благодаря которому погибли миллионы наших братьев! И где?— У нас,в богатейшей, редко населенной родине, на плодороднейших в мире землях! Таков результат антинародного режима. « Раскулачена » и сослана огромная часть наиболее трудовых крестьян, большинство которых умерло в эшелонах и концлагерях! Что такое колхозная жизнь? Человек добывает хлеб, и у него его отбирают, даже не оставляя прожиточного минимума, прикрывая грабеж, «добровольными» «перевыполнениями». Если бы крестьянин « проклятого капиталистического мира » увидал колхозника и его жизнь, как бы он ужаснулся.

А разве сытней жизнь рабочего?! Начиная с генеральной линии 1928 года, беспрерывные днем и ночью очереди и погоня за всеми необходимейшими предметами жизни! Что мог рабочий купить на заработок?! В 20 раз меньше, чем, например, французский рабочий! Так до войны, нам рассказывают, во Франции пару обуви можно было купить за 1-2-х дневный заработок, когда мы не могли в « счастливом мире » купить эту пару обуви и за месяц. Там заработок основной массы в месяц составлял 115-300 руб., и лишь мало кто зарабатывал 400 - 500 руб. А пара обуви стоила от 150 и до 500 руб. Да надо повоевать в очередях, чтобы ее купить, так как магазины пустуют. В колхозах, отбирая хлеб, платили за пуд 1 р. — 1 р. 20 коп., а продавали кило печеного по 1 р. 50 к. — 5 руб.; за свинью, отбирая, платили 40 - 50 руб., а продавали кило за 30 руб.! Масло, отбирая, платили 1 р. — 1 р. 20 к. за кило, а продавали по 20-30 руб. за кило и т. д., имея барыш в сотни раз! Так « процветает » « советская торговля »! По таким ценам« счастливый » советский рабочий покупает у « государства » продукты для жизни!

Лозунг советского человека — « спасайся, кто как может ». Да, господа коммунисты, это вы создали такую жизнь - страдание и только вы, а за границу громко лжете о « счастье » советского народа! Мы рады, что мир начинает понимать действительность этого «счастья »! Чтобы избавиться от этого « счастья », миллионы согласились с оружием в руках помогать своему врагу № 2, Гитлеру, сотни тысяч предпочитают теперь умереть, чем вернуться на родину, миллионы находятся в концлагерях. А на ряду с этим за Сталина и « режим » голосует 99,999%?!.. Никто там против не голосует, ибо только человек, решивший себя погубить, станет голосовать против! При действительной свободе дело Сталина после первого же голосования оказалось бы в мусорной яме! Так вали в другие страны пропаганду, вот, мол, как за Сталина « голосуют »! Давай и нам такую « власть »! Но рабочие и крестьяне свободных стран не такие уже дураки, чтобы поддаться этой провокации.

Мы понимаем, как трагична сейчас судьба нашей родины, сыгравшей в уничтожении одного врага человечества первенствующую роль. Несмотря на невыносимые страдания народов, второй враг человечества продвигает « счастье » дальше, исползуя для этого коммунистические партии других стран. Наша родина жаждет из этой паутины выбраться. И мы обращаемся к миру : не считайте диктатуру и народ за одно! Если красный фашизм несет угрозу миру, то это не значит, что угрожает ему русский народ! Народ могут **погнать** на завоевание мира, но это не значит, что народ к этому стремится. И мы хотим, чтобы впоследствии отвечала за это не наша родина, а палачи, ее терзающие.

Новые полит. эмигранты.

Маркин, Круглов, Алимов.

ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ РУССКИМ.

Прошу меня извинить, что я решил вам послать свое обращени. Я не автор и не поэт и не могу написать сложно и без ошибок. Хочу сообщить свою маленькую автобиографию, описать, как я жил в «свободной советской России» — пусть знают те, кто еще не понимает, что запроклятая шайка большевиков, особенно хочу дать понять старой эмиграции, которая хочет вернуться в нынешний замок каторги.

Я чисто русский. Родился на Дону в 19 году. Работал в колхозе от утренней зари до заката солнца. Мог заработать 1% трудодня и получить по 500 - 700 граммов зерна. Тому, кто выдумал колхоз, давно надо голову сломить. Наша семья еле выжила ужасный голод, а соседи почти все вымерли. Большкевики только смеялись, когда люди пухли от голода. Такой жизни, возможно, ни в какой стране нет. То, что вы пишете о жизни народа под ярмом, правильно, как на ладони. Мы живые свидетели...

Каждый ждал перемен от войны. Я сам видел, как мои товарищи сдавались батальонами, бросая оружие шли в плен к немцам. Но немец не погладил по головке и применил к нам, русским простым и забитым колхозникам и рабочим, ураганный голод, расстрел. Это ужас, какое было издевательство над пленными. Стали убегать из лагерей, переходить линию фронта и рассказывать об этих ужасах: «красным» это было на руку.

В 42 г. я попал в плен и пробыл в нем около трех лет, работая в шахте на рудниках. Благодаря французам и полякам я мог пережить эти годы. Тысячи солдат остались в Европе, не желая вновь надеть железное ярмо НКВД. Меня захватили энкаведисты в кино и насильно отправили в лагерь в Метц. Мне пришлось бежать. В данный момент работаю спокойно в той же шахте и вижу, где правда — в советской России или во Франции.

Теперь наша задача старой и новой эмиграции держаться рука за руку и итти нога в ногу в борьбе против большевиков. Новая эмиграция должна сбиться в одно железное кольцо со старой эмиграцией и отомстить кремлевским угнетателям.

Извините меня, что плохо написал. Прошу поправить мое обращение ко всем русским, находящимся за пределами советской России. 23 января.

Мы исполнили просьбу автора, ничего не изменив по существу в его тексте.

О ВЛАСОВЦАХ *).

Не будучи сам «власовцем» в прямом смысле этого слова, т. е. не служив в русских добровольческих соединениях в составе германской армии, я имел возможность наблюдать трагическую эпопею освободительного движения народов России, известного под названием «власовского».

Кто же такие, в конце концов, те люди, которые в годы германского нашествия, по распространенному мнению, изменили своей родине, перейдя на сторону немцев? Являются ли они преступниками, по отношению к русскому народу, и заслуживают ли они снисхождения?

На последние вопросы ответ один: все зависит от того, с какой точки зрения смотреть на дело. Напримелр, советский уголовный кодекс, в 1-й п. 58о-й ст., определяет совершенно ясно: те, кто в мирное (а тем более военное) время самовольно покинул СССР, а так же активно или пассивно содействовал врагам СССР, являются

---

*) Печатаем с сокращением.

изменниками социалистической родины. За это по закону полагается: непосредственному виновнику — расстрел (теперь так-же виселица), а его семье — 5 лет концлагерей и волчий билет до конца дней. И с этой точки зрения, сталинский приказ 42 г., объявлявший вне закона всех русских, сдавшихся в германский плен, не удивил никого из нас, бывших советских граждан.

Нас удивляет другое: как те эмигранты, которые открыто заявляют о своей непримиримой враждебности к советскому режиму, в смущении останавливаются, лишь только речь заходит о «власовцах»?..

Для нас патриотизм означает защиту родины от врага. И наш первый враг — большевизм. Воспитанные на ленинских заветах, мы сделали ставку на поражение собственного правительства в этой войне. Поэтому миллионные армии, в первые месяцы войны, одна за другой сдавались в германский плен, ибо русский солдат не хотел защищать кровавый советский режим. И в этих массовых капитуляциях и лежит доказательство **народности** власовского движения, ибо зародилось оно в лагерях русских военнопленных.

Но никогда, с первых дней плена или немецкой оккупации, никто из нас, после знакомства с подлинной сущностью гитлеровских планов завоевания России, ни на минуту не делал ставку на **окончательную** победу Германии. В ней видели лишь средство уничтожения советского режима, но не союзника и друга будущей свободной России.

И немцы, которые все свои «попечения» о власовской организации сводили искусственно к вербовке пушечного мяса, да к получению пропагандного материала для разложения Красной Армии, которые на всем протяжении войны колоссальные усилия направляли к тому, чтобы не допустить консолидации всех русских антибольшевистских сил заграницей, справедливо опасаясь, что это движение в силу своего национального характера неизбежно станет враждебным Германии, — немцы, при всей своей косности, понимали это...

История вынесет свой приговор «власовскому» движению. Не нам судить о том, был ли стихийный порыв русского народа, в лице миллионов своих сынов, одетых в солдатские шинели, в лице населения занимаемых немцами областей, приветствовавшего завоевателей, — делом национальным, или антинациональным.

Наша задача — внимательно изучить всю историю этого движения, все многочисленные тактические и принципиальные ошибки, допущенные теми, кто был связан с этим движением, с тем, чтобы не повторить их в будущем. И во всех случаях, когда берет сомнение, — нужно или не нужно бросить камень в тех, кто своей жизнью жертвовал во имя избавления родины от террористического режима большевиков, твердо помнить, что единственными судьями в этом вопросе, могут быть лишь история, да подлинная совесть русского народа.

Ленин знал, что говорил, когда утверждал, что победа во внешней войне может только укрепить власть победившего правительства. История последней войны подтвердила это.

Однако, основной вывод, который мы сделали в результате опыта, оплаченного миллионами кровавых жертв, это тот, что только руками русских может быть уничтожен большевизм, и никакая внешняя интервенция не в состоянии самостоятельно довести до успешного конца эту задачу. И над подготовкой русской национальной революции мы и должны работать. Результаты покажет будущее...

В. Литвинский.

ОБ УКРАИНЦАХ.

Русская литература, русское печатное слово так дороги здесь нам, что прочитываются по нескольку раз и вызывают потом длительный обмен мнениями по поводу прочитанного. Живем мы здесь и материально очень неважно, даже не совсем сытно, а уже об удовлетворении духовных потребностей ничего и говорить. Знающие иностранные языки могут время от времени найти немецкие или французские книги, швейцарскую газету на немецком языке или, с грехом пополам, читают газеты итальянские, регулярно покупать которые тоже не могут за отсутствием денег. А для тех, которые иностранных языков не знают — положение еще хуже.

Люди буквально тупеют и мельчают, без книг и без газет.

Очень многое, конечно, интересует нас. Много больных вопросов имеется в нашей русской заграничной жизни (о жизни на родине я уж не говорю). Между другими отрицательными явлениями, одним из очень дурных я считаю рознь между различными группами русских людей, так или иначе очутившихся за рубежом. А ведь перед лицом нашего общего врага (сталинский режим) нам нужно быть дружными, организованными и сплоченными.

Помимо розни между «старыми» и «новыми» эмигрантами, которая — теоретически — кажется, начала уже сглаживаться, совсем не освещается в печати наигранная, в свое время сильно раздувавшаяся немцами, рознь между украинцами и великороссами.

«Разделяй и властвуй» — и немцы натравливали украинцев на русских, внушая им, что в том, что революция приняла такие ужасные формы, виноваты только «москали», которые, в форме коммунизма, продолжают угнетение украинского народа, начавшееся еще несколько столетий тому назад.

Я сама читала во время войны, будучи в Германии, издававшийся там украинский журнал, в котором была статья, посвященная годовщине Полтавской битвы.

День 27-го июня назывался там «траурной датой в истории украинского народа» и т. д.

Но политика разъединения русских людей, понятная со стороны немцев, кажется мне просто неумной, когда ее проводят вожаки украинцев, оказавшиеся за рубежом вместе с тысячами русских беженцев из Советской России.

Мне известны факты из лагеря, когда украинцы не отвечают на обращаемые к ним на русском языке вопрсы, грубо говоря, что они не понимают русского языка.

Ведь Россия, какая бы форма правления в ней ни была, может быть сильной только, как данное целое, как большой и могучий цельный организм. Ведь «самостоятельных» украинцев немцы хотели сделать в буквальном смысле слова рабами, ведь только врагам нашей родины выгодно наше расчленение на отдельные части!

Но, конечно, не все украинцы таковы. Конечно, и от некоторых из них слышатся слова: «Ах,! да ведь все мы украинцы и беликороссы — русские люди!» Но сколько еще имеется ослепленных навеянной им врагом враждой к братьям-великороссам.

Мне случилось, тоже во время войны, быть в Германии в лагере среди украинцев — беженцев из Киева. Все, прекрасно говорящие по-русски, даже дома, в своей семье, они горячо спорили против моих призывов к единению с другими группами русских людей, все почти мечтали об отделении от России.

В наших кругах, конечно, найдутся люди, которые смогут более связно и серьезно, чем я, написать об этом. Мне кажется, что это важный вопрос. Не знаю, дождемся ли мы того счастливого дня, когда мы будем иметь возможность строить новую Россию. Но мы должны быть к этому готовы — мы, все русские люди, находящиеся сейчас за рубежом.

Для этого мы должны работать сейчас и быть готовыми предстать в любой момент перед внешним миром, как монолитная группа русских людей, стремящихся к единой цели.

В. В — а.

Из психологии „Каносцев"

Заимствуем характерные для современной эмигрантской психологии выдержки из переписки двух друзей, из которых один — в Париже, занимает непримирмую позицию в отношении к советской власти, другой — в Софии, взял советский паспорт. Первое письмо пошедшего в Каноссу относится к началу июля. «Твое последнее письмо — пишет каносец — я получил в момент, когда я вернулся из советского посольства, где я был для подачи документов для принятия советского подданства. Откровенно говоря, очень тяжело было как раз в этот момент читать твое письмо. Конечно, все, что ты пишешь, может быть верным. Верить им не всегда можно. Но, во-первых, здесь совершенно иное положение, и ты его себе, повидимому, неясно представляешь, говоря, напр., о болгарском подданстве и не подозревая о том, что многие, имея это подданство, давно уже копают где то в Центральной Азии или здесь в шахтах... Ведь никто не может мне гарантировать, что, если я воздержусь, то все будет благополучно. И, если потом приставят нож к горлу, поздно уже думать. Это тебе не во Франции. Это первое. А второе то, что на этот раз совсем не похоже на ложь. Совершенно ясно, что нас не хотят отсюда увозить. Некоторые здесь хотели подать заявления о репатриации. Их даже не приняли, сказали, что еще рано об этом говорить. Из речи посла на собрании 4 июля, читая между строк, становится ясным, что нас просто не хотят там, но сказать открыто об этом, конечно, неудобно. Один видный коммунист, занимающий высокий пост, сказал, что массовая репатриация эмигрантов создала бы много забот власти: необходимо было бы организовать контроль над ними, устраивать их на работу и т. д. Собирать же их в концлагерях советская власть не хочет. Как физическая сила мы не интересны. Гораздо практичнее *использовать нас за-границей*, хотя конкретно я себе еще не совсем представляю на каких ролях. Но ясно, что какая то работа предстоит, так как о ней говорил посол на собрании... Конечно, и здесь есть многие скептики (особенно в провинции), которые ничему не верят, но у меня лично нет такого впечатления... Я... не под влиянием стадного чувства, а чисто логическим путем пришел к этому заключению. Признаюсь, что нелегко было решиться. Теперь мне становится все яснее, что я поступил правильно. Против течения не пойдешь, если не хочешь погибнуть. Конечно, никто не может сказать, как в дальнейшем разовьются события. Но мне кажется, что при всяких возможных перетурбациях здесь лучше быть с советским паспортом».

24 октября... «О происходящих здесь политических событиях писать мне, как советскому гражданину, неудобно».

23 ноября. «Наша новая советская колония постепенно организуется... В день 29-ой годовщины революции было торжественное собрание... После программы был ужин-банкет для начальствующих

лиц и для тех, кто мог платить за столик 10.000 лева,а для «народа» были бутерброды à la fourchette ; в общем все было хорошо и, как говорят, в посольстве остались в общих чертах довольны поведением новых сов. граждан: аплодировали, когда надо, вставали, когда надо и т. д. Конечно, кое-кто поднадрался, кое-кто говорил глупости или неуместные вещи (вроде нашего епископа)... Между прочим этот епископ, сидевший рядом с посланником, стал говорить о том, что его радует , что теперь в Сов. России существует полная свобода вероисповедания, что некоторые монастыри восстанавливаются и уже получили обратно свои мощи и т. д. Во время этой речи я видел сострадательные лица у некоторых генералов и один майор по окончании ее, вздохнув, сказал: «ну что же, выпьем и за мощи».

Пришлось автору быть и на докладе в клубе секции культурного отдела, где новые советские граждане «сближаются» со старыми и и постепенно «приобщаются к советской жизни». Доклад был посвящен советскому искусству и читал его бывший эмигрант, доказывавший, что искусство должно итти в ногу с учением Маркса, Ленина, Сталина, отражать советскую действительность, а не представлять ее в карикатурном виде, как это делал Зощенко...

Метаморфоза совершилась, и советская власть получила для Зап. Европы пропагандиста из числа недавних еще эмигрантов. Скрытая цель достигнута.

* * *

« Вопросы, занимавшие меня, это — вопросы в связи с возвращением на родину, т. к. уже месяца два ведется здесь запись желающих вернуться. Окончательного решения по этому делу я еще не принял, но могу сказать, что это **почти** решенное дело...

На что можно надеяться при возвращении на родину? Но прежде всего хочу поделиться некоторыми впечатлениями, вынесенными из контакта с советскими людьми здесь. Во всей акции в отношении эмигрантов нет и следа мести. Конечно, тех, кто работал с немцами, по головке не гладят. Но на участии в гражданской войне поставлена точка, и ему не придаются никакого значения. Здесь образован комитет из новых советских граждан, который возглавляет советскую колонию и служит связью между нами и миссией. В комитет входят не карьеристы или авантюристы, а люди идейные. Очень часто устраиваются собрания, на которых читаются интересные доклады о родине с фильмами. Ты улыбаешься. Скажешь, что нас, мол, «обрабатывают». Конечно, сов. власть учитывает, что мы четверть века были оторваны от родины, что там иная жизнь, что, следовательно, нас необходимо подготовить, приобщить к новой жизни. Так вот я хочу сказать, что если бы хотели нас ликвидировать, то для этого не нужно было бы устраивать и этих собраний и этих докладов, вообще не нужно было бы церемониться с нами.

Недавно выступал на собрании кандидат в Верховн. Совет УССР генерал-полковник Горюнов. Он держался на собрании так просто, что буквально очаровал всю здешнюю эмиграцию (pardon новых советских граждан) и ничего нет удивительного, если на прошлых выборах — 9-го февраля (в которых мы участвовали) все голосовали за него. Это — популярнейшая личность здесь в войсках, и действительно получается впечатление, что в Верховный Совет родина посылает своих лучших сыновей.

Я познакомился с некоторыми советскими людьми. Говорили о многом. Они далеко не все хвалят, но впечатление у меня такое, что в общем ничего страшного нет. Я имею, конечно, ввиду, что

600 руб.

многие из них врут, сопоставляю отдельные рассказы и сведения, проверяю и таким образом постепенно составляю свое мнение; и **вот** прихожу к убеждению, что мы были в значительной степени под влиянием пропаганды против СССР. Мы живем с представлением о России и большевиках, которые мы имеем с 1918 года. А наша родина сделала колоссальный прогресс! Я рзговаривал с музыкантами, которые **добровольно** оставили свои инструменты и пошли воевать (а могли этого и не делать в силу своего привилегированного положения). Значит, этим людям была дорога и родина и **строй**, раз они добровольно рисковали за них своей жизнью! И этот неподдельный, **не надутый**, а искренний патриотизм сквозит от каждого советского солдата и офицера (особенно когда с ними выпьешь), да разве смогла бы Россия выдержать такое испытание, если бы такого патриотизма не было, или если бы он поддерживался искусственно?

Вопрос о моем возвращении я пока решаю принципиально, но конкретных форм еще не принял. Мысль о возвращении на родину заставила меня порыться в старых письмах из России, поискать адреса. Перечитал некоторые письма родителей... Какие тяжелые годы пережили они! Вот мама своим беспомощным старческим почерком выцарапывает трогательные слова. 1926-27 г. *) К Рождеству у них черного хлеба не было! Просит мама ей выслать теплый платок: ей нечем покрыть голову. Все почти продали. Воспитали 6 человек детей, а на старости лет приходится жить в нищете и одиночестве, каждый занят собой, помощи ждать неоткуда. Тяжелая картина. (17 фев.)

*) То были лучшие годы НЭП'а!

Editions russes « Les Indépendants ». R. C. Seine 316.334. B.
Adr. : *91, rue Lecourbe, PARIS (15e).*